

Анджей Иконников-Галицкий Три цвета знамени. Генералы и комиссары. 1914–1921

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7446639*

*Иконников-Галицкий А. Три цвета знамени : Генералы и комиссары. 1914–1921: Колибри, Азбука-Амтикус; Москва; 2014
ISBN 978-5-389-08510-7*

Аннотация

Книга А. Иконникова-Галицкого – о генералах, офицерах и солдатах, участниках Первой мировой войны, которым в будущем предстоит стать знаменитыми героями войны Гражданской, вождями и военачальниками красных и белых армий. В их образах, многие из которых стали хрестоматийными или одиозными, автор раскрывает новые, неожиданные и парадоксальные черты, знакомит читателя с неизвестными страницами их воинских биографий, вплетенных в события Первой мировой войны.

Содержание

Вступление	5
Иду на прорыв	7
Каледин	7
Генеральский гнев	7
Портрет героя	8
Согласно послужному списку	10
Дивным утром 18 июля...	12
Даты и факты	14
«Кровь – это грязь, текущая внутри нас»	15
Перелом	18
Как во сне	20
Вверх дном	22
224 ступени	25
Та самая пуля	28
P. S	29
Брусилов	31
Кавалерист, любимец счастья	31
Гримасы военной фортуны	34
Главкоюз	37
Прорыв...	40
...и тупик	42
Неизбежность	47
Последний снаряд	49
С воинскими почестями	52
Два главкома	54
Деникин	54
Начало похода	54
Ничего величественного	57
Характер	58
Путь к звездам	61
Георгиевское оружие с бриллиантами	63
Не стерпело русское сердце	67
Луч света	69
На Москву!	71
Каменев	74
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Анджей Иконников-Галицкий Три цвета знамени. Генералы и комиссары. 1914–1921

© А. Иконников-Галицкий, 2014

© А. Рыбаков, оформление серии, 2012

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

Издательство КоЛибри®

Вступление

В окне виднелось сероватое пространство Финского залива. Над блеклой водой взлетали и пикировали чайки. Их тревожные крики не проникали сквозь плотно закрытые окна кабинета. В кабинете было очень тихо, настолько тихо, что тиканье каминных часов казалось нестерпимо громким и назойливым. Стрелки на циферблате показывали четыре часа три минуты.

Лучик, пробившийся из законного простора, ударился о белый циферблат, отразился от него и точкой-зайчиком упал на темно-зеленое сукно письменного стола. Чернильный прибор, несколько фотопортретов в рамках, настольная лампа – больше на широкой поверхности стола ничего не было. За столом на вращающемся стуле с удобной дугообразной спинкой сидел человек. Он сидел прямо, не опираясь на спинку стула. Телосложения он был среднего и роста, по-видимому, среднего. Образцово сшитый мундирный китель облегал его непримечательную фигуру точно и гладко, не морща. Его правильное, приятных очертаний лицо, оформленное аккуратной бородой и соразмерными усами, ничего не выражало. Только под глазами залегла неожиданная пугающая темнота. Он сосредоточенно смотрел вниз, на ближний край письменного стола, и молчал.

По другую сторону темно-зеленого суконного поля на стульях с высокими резными спинками помещались еще двое: один – в военном мундире с аксельбантом, другой – в штатском сюртуке и жилете, при галстуке, охватывающем стоячий воротничок. Оба были напряжены, оба ждали чего-то.

Лучик-зайчик добрался до граненого края чернильницы и рассыпался маленькой радугой. В этот миг человек за письменным столом поднял глаза и, не меняя позы, не меняя выражения лица, заговорил, обращаясь к сидящим напротив. Он говорил с трудом, и в его глуховатом баритоне звучало что-то мучительное, что-то такое, что резко контрастировало с неподвижной бесстрастностью благообразного лица.

– Сергей Дмитриевич, принять сказанное вами – это значит обречь на смерть сотни тысяч русских людей. Как не остановиться перед таким решением?..

Он вновь умолк, как будто боясь выпустить на волю слово, которое потом не поймает, которое натворит неслыханных бед.

– Но, ваше императорское величество, – штатский нарушил готовую вновь установиться тишину, – вы сделали решительно все, что было в ваших силах, дабы предотвратить непоправимое. Не на вас, не на вас ляжет ответственность за последствия. И мы, ваши слуги, в точности исполняли вашу волю. Но из ситуации, которая сложилась не по нашей вине, нет иного выхода.

Человек за письменным столом молчал. Темнота под его глазами обозначилась еще резче, еще тяжелее. Наконец, как бы поднимая огромный камень, произнес:

– Вы правы. Нам ничего другого не остается делать, как ожидать нападения. Передайте начальнику Генерального штаба мое приказание о мобилизации.

И встал, давая понять, что разговор окончен.

Министр иностранных дел Российской империи Сергей Дмитриевич Сазонов и генерал-адъютант Илья Леонидович Татищев тоже встали, отдали поклон и вышли из кабинета императора.

Через несколько минут на столе начальника Генерального штаба генерал-лейтенанта Янушкевича зазвонил телефон. Генерал снял трубку:

– У аппарата Янушкевич.

– Говорит Сазонов. Николай Николаевич, я телефонирую из Петергофа. Я был у государя и только что получил от него повеление передать вам приказ об общей мобилизации.

Семнадцатое июля 1914 года. Последний день перед началом мировой войны.

Когда Первая мировая война назревала, когда начиналась, никто, ни один человек в мире не знал, какой она будет и к какому рубежу приведет человечество. Думали, что она продлится два-три месяца, много – полгода. Думали, что армии повоюют да и разойдутся. Николай II, хозяин земли Русской, возможно, больше других боялся и не хотел войны, потому что лучше других понимал, как велика и взрывоопасна его держава. Но и он в своей беседе с Сазоновым говорит о сотнях тысяч смертей. На самом деле на полях сражений погибнут миллионы. А главное – война не замрет на этих заваленных гниющими трупами полей сражений, она ринется по тылам, она свергнет правительства, она опрокинет устои общества, она перевернет вверх тормашками законы морали, она отменит все, что было до нее. Огонь войны переродится в пламя мировой революции, сожжет целые державы в междоусобных смутах, потом ненадолго утихнет, потом вспыхнет снова и еще страшнее огненным смерчем Второй мировой войны. И наконец, атомным взрывом 6 августа 1945 года вознесется до космических высот.

Изменив мир, война изменила и душу человеческую.

Эта книга – о войне и о людях, изувеченных войной. В отличие от миллионов других изувеченных, к этим вместе с увечьем пришла слава. Думаю, не ошибусь, если скажу, что никому из них слава не принесла счастья.

Про каждого из них можно написать книгу. Про многих книги уже написаны.

Чтобы не повторять многократно рассказанное, мы сосредоточим наше внимание на том, как эти люди, совершенно разные и в то же время чем-то похожие, оказались на фронтах Первой мировой войны, как прошли ее дорогами, как были захвачены вихрями революции – русской смуты – и как потом разошлись по разные стороны фронтов войны Гражданской.

Иду на прорыв

Каледин

В начале третьего часа пополудни 29 января (11 февраля) 1918 года на втором этаже Атаманского дома в Новочеркасске, в комнате, расположенной напротив кабинета войскового атамана, прогремел выстрел. Короткая траектория револьверной пули, пробившей навывлет сердце генерала Каледина и расплющившейся о железную сетку походной кровати, прочертила границу между двумя войнами – Первой мировой и Гражданской – и сцепила их в единое, непрерывное кровопролитие. Весть о гибели атамана Всевеликого войска Донского полетела по телеграфу вслед за опубликованным в тот же день приказом красного главнокомандующего Крыленко о демобилизации русской армии. Накануне народный комиссар Троцкий объявил в Брест-Литовске, что Россия выходит из войны. Это был выход в бездну.

Генеральский гнев

Лесистые горбы карпатских предгорий потонули в волокнистом тумане. Дожди зарядили не на шутку: казалось, вся Галиция залита небесной водой. Речка Стрвяж, месяц тому назад казавшаяся игрушечной, славной, радовавшая солдатский глаз бодрящими солнечными переливами, теперь помутнела, вздулась, шумела раздражительно, почти грозно. Раскисшая, скользкая дорога тянулась в узкой долине, прижимаясь к сварливому потоку. Дорога была наполнена движением – таким же недовольным, хмурым, как погода. Имя этому движению – отступление. 12-я кавалерийская дивизия вот уже пятый день под нескончаемыми дождями продвигалась на восток, от Ольшаницы на Хыров, под защиту пехотных позиций.

Война шла уже два месяца, и шла она как-то неправильно. Все происходило не так, как ожидалось. Не было ни блестящих атак, ни победоносных походов, ни полководцев, скачущих на белых конях. Нескончаемые массы людей, лошадей, повозок, орудий и всевозможного армейского скарба толклись и крутились в разных направлениях, без видимого порядка, сталкиваясь друг с другом и расходясь; люди иногда двигались организованно, иногда разбегались в панике, иногда бросались друг на друга в необъяснимом остервенении. Где-то над всем этим были штабы армий и командующие; из заоблачных высот время от времени прорывались телеграммы и вестовые с указаниями: выдвигаться туда-то, концентрироваться там-то, овладеть таким-то пунктом... Но через несколько часов или дней новые телеграммы приносили новые директивы, в корне противоречившие предыдущим. И массы подвижного живого и неживого материала разворачивались, перестраивались, перетекали по дорогам, горным проходам и речным долинам. 12-я кавалерийская дивизия, за два месяца дважды приняв участие в крупных боях, тоже металась, изматывая собственные силы в бесконечных переходах: от Тарнополя¹ к Рогатину, от Рогатина к Миколаеву, от Миколаева к Комарно; оттуда – через горные кряжи в долину реки Сан. И вот теперь это отступление на восток, столь же непонятное, как и предшествовавший ему бросок на запад.

Отступление угнетающе действует на людей. Кавалеристы ехали понуро, кутались в промокшие насквозь шинели, изредка материли лошадей и старались не смотреть на валяющиеся здесь и там гниющие конские туши – воспоминание о боях, прокатившихся по этой долине месяц назад. Драгуны и уланы давно прошли поэскадронно во главе колонны и теперь, наверно, уже грелись в бытовых хатах в Хырове. Вслед за ними тянулся дивизи-

¹ Совр. Тернополь.

зионный обоз: сотни телег, колымаг и двуколок. Обозным строго-настрого было приказано двигаться в два ряда по краям дороги, оставляя среднюю часть свободной для передвижения верховых. Но утомительный путь усыплял возниц, и лошади, предоставленные своей воле, то там, то сям вытягивали повозки на удобную, менее размокшую середину и тащились по ней. Потом раздавался окрик какого-нибудь унтера, звучала непродолжительная ругань – и повозки снова выстраивались в две цепочки по краям дороги.

В очередной раз одна из телег выкатилась на запретную середину. Обозные командиры не успели вернуть ее в строй. Послышался топот копыт нескольких десятков лошадей, из-за поворота появилась группа всадников и, разбрызгивая грязь, подлетела к злополучной повозке. Посреди верховых выделялся крупный, чуть сутулый усатый седоватый кавалерист; выкатывая глаза из-под густых, яростно сведенных бровей, он что-то кричал вознице, но слова его сливались с чавканьем подков по лужам. Лампасы на штанах, три звездочки на генеральских погонах.

– Батюшки! Дивизионный, Каледин, – успел шепнуть обозный унтер легкораненому бойцу, полусидящему рядом с ним на двуколке, спрыгнул и вытянулся перед начальством.

Возница на злополучной телеге ничего не замечал. Он сидел, согнувшись в три погибели, завернувшись в шинель, и, видимо, крепко спал.

Очевидец, подполковник фон Валь: «Подводчик с закутанными башлыком ушами не слышал криков сзади, потом медленно повернулся. Пока смысл слов дошел до его мозгов и произвел нужную эволюцию, в течение которой он раскрыл рот, вытаращил глаза и дал лошадям идти в прежнем направлении. Каледин взбешенный выхватил шашку и размахнулся, чтобы ударить его по голове. Штабные успели ухватить его за руку»².

Резким движением генерал направил оружие в ножны. Ему было неловко за свою нелепую вспышку перед офицерами и хотелось сорвать на ком-нибудь копившуюся неделями злость. Тут он увидел бойца на двуколке.

– Эт-то что? Мертвая душа? Почему в обозе?

Солдат, рыжеватый веснушчатый парень, пытался встать, но мешала больная нога и сваленный в двуколке хлам. От страха он онемел и дико таращился на белую генеральскую ладонь, сжимающую рукоять шашки.

– Осмелюсь доложить, ваше превосходительство, раненый! – пророкотал многоопытный унтер.

– Почему не в лазарете? – крикнул генерал на излете гнева. Потом подбежавшему офицеру:

– Поручик! Убрать! К черту! Взыщу!

Развернул коня, стегнул нагайкой, рванул с места и ускакал в сопровождении свиты.

Портрет героя

Характеристики, которые современники и потомки дают генералу Каледину (ударение в фамилии – на последнем слоге), весьма разноречивы, хотя в чем-то они сходятся. Вот некоторые из них.

² Валь Э. Г. Кавалерийские обходы генерала Каледина. 1914–1915. Таллин, 1933. С. 9–10; http://www.grwar.ru/library/Val_KaledinMove/VC_01.html. Здесь и далее в цитатах из дневников и документов сохранены особенности орфографии и пунктуации оригинала.

Эрнест Георгиевич фон Валь, в начале Первой мировой войны подполковник, офицер для поручений, с декабря 1914 года полковник, начальник штаба 12-й кавалерийской дивизии:

«Солдаты инстинктивно чувствовали силу личности ген[ерала] Каледина, слепо доверяли ему и любили его, несмотря на суровый вид и строгость. В офицерской среде он пользовался еще и в мирное время исключительным уважением. Но командиры полков и высшее начальство недооценивали его.

<...>

Никто в русской армии не может сравниться с ним по глазомеру, по быстроте схватывания обстановки, оценке тактического ключа дела, быстроте решения, железной воле при приведении в исполнение намеченной цели, твердости и упорству в минуты великой опасности»³.

Владимир Иванович Соколов, генерал-лейтенант, в 1916 году командир 14-й дивизии, входившей в состав 8-й армии Каледина:

«...Мрачная, угрюмая, молчаливая фигура Каледина внушала уныние, страх, а при дальнейшем знакомстве даже озлобление. Его, что называется, не любили в войсках... <...> Неблагоприятное впечатление самой личности Каледина явилось с первого же его появления перед войсками. Его обращение к офицерам, горевшим желанием идти в бой, звучало обидной угрозой, если в готовящемся прорыве не будет успеха. <...>

Насколько был щедр на боевые награды солдатам Брусилов, настолько скуп был Каледин. Как и многие другие начальники, он, очевидно, не понимал, что есть невозможное и для первейших храбрецов и что при общей неудаче дела могут быть выдающиеся подвиги отдельных лиц и целых частей, достойные поощрения наравне с самыми удачными делами. <...>

Проявив полную бездарность, Каледин все-таки продолжал оставаться на своем посту командующего армией. Думали, что он поддерживается тем же Брусиловым, благоволившим к Каледину, как кавалерийский начальник к кавалеристу, хотя Каледин был казак, т. е. не вполне кавалерист»⁴.

Алексей Алексеевич Брусилов, генерал от кавалерии, в начале войны командующий 8-й армией, затем главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта:

«Я его близко знал еще в мирное время. Дважды он служил у меня под началом, и я изучил его вдоль и поперек. Непосредственно перед войной он командовал 12-й кавалерийской дивизией, входившей в состав моего 12-го армейского корпуса. Он был человеком очень скромным, чрезвычайно молчаливым и даже угрюмым, характера твердого и несколько упрямого, самостоятельного, но ума не обширного, скорее, узкого, что называется, ходил в шорах. Военное дело знал хорошо и любил его. Лично был он храбр и решителен. В начале кампании, в качестве начальника кавалерийской дивизии, он оказал большие услуги армии в двух первых больших сражениях, отлично действовал в Карпатах, командуя различными небольшими отрядами. <...> По моему настоянию он был назначен командиром 12-го армейского корпуса. <...> Кавалерийская дивизия – по своему составу небольшая, он ею долго командовал, его там все хорошо знали, любили, верили ему, и он со своим делом хорошо управлялся. Тут же, при значительном количестве подчиненных ему войск и началь-

³ Там же. С. 3, 61.

⁴ Соколов В. И. Заметки о впечатлениях участника войны 1914–1917 гг. Опубликовано на сайте «Русская армия в Великой войне»: http://www.grwar.ru/library/Sokoloff-Impression/SI_01.html.

ствующих лиц, его недоверчивость, угрюмость и молчаливость сделали то, что войска его не любили, ему не верили; между ним и подчиненными создалось взаимное непонимание»⁵.

Константин Михайлович Оберучев, бывший полковник, лишенный чинов за участие в деятельности партии социалистов-революционеров; в 1917 году возвращен Временным правительством на службу в чине генерал-майора и назначен комиссаром, а затем командующим войсками Киевского военного округа:

«Я знал Каледина в молодых годах. Я только что поступил в Артиллерийское училище и был в младшем классе его, а он был юнкером старшего класса. Вспоминаю его всегда сосредоточенным, без улыбки, несколько угрюмым человеком. После выхода его из училища я потерял его из виду. И вот, в Черновицах, мне пришлось с ним встретиться как с командующим армией. Встретился тот же угрюмый человек, которого я знал еще в ранней молодости. И я сразу узнал его»⁶.

Александр Смирнов, наш современник, журналист, писатель, историк казачества:

«Он остался непонятым многими современниками и не оценен потомками. Он был настолько яркой личностью, что это зачастую мешало оценивать его дела и поступки объективно»⁷.

Итак, суммируем – с учетом фотографий, сохранивших внешний облик Каледина.

Высокий, массивный, крупноголовый (с возрастом стал слегка сутулиться). Правильные, истинно казачьи черты лица, под конец жизни заметно одутловатого. Волосы темные, в последние годы на висках обозначилась седина. Высокий лоб с залысинами. Стрижка бобриком. Черные густые брови. Широкие, опущенные вниз усы. Карие небольшие глаза. Губы поджаты. Выражение лица как будто недовольное. Замкнут, молчалив, не улыбочив, производит впечатление хмурого до угрюмости человека. В характере наблюдается упрямство. К делу относится ответственно, не без педантизма. С подчиненными резок, но сдержан. Безусловно храбр; иногда бравивирует этим. Исправный командир, но лидерских, а тем более харизматических качеств не проявлял.

Этому портрету соответствует послужной список, да и вообще биография Алексея Максимовича Каледина – по крайней мере, до августа 1914 года.

Согласно послужному списку

До августа четырнадцатого – почти 53 года из 56 лет земного пути Каледина – ничего примечательного. О его жизни до начала Первой мировой войны вообще мало что известно. Основной источник информации – послужной список.

Согласно этому документу, Алексей Каледин родился 12 октября 1861 года в семье казачьего офицера Максима Васильевича Каледина в станице Усть-Хоперская. Его семье вроде бы принадлежал близ станицы хутор, который так и называли – Каледин. Поэтому зачастую местом рождения будущего атамана называют хутор Каледин. Однако впоследствии никакого недвижимого имения за генералом Калединым, как и за его братом Василием, не числилось. Их отец Максим Васильевич дослужился до полковника; дед Василий

⁵ Брусилов А. А. Воспоминания. М., 1963. С. 175–176; <http://militera.lib.ru/memo/russian/brusilov/10.html>.

⁶ Оберучев К. М. В дни революции (Воспоминания участника великой русской революции 1917-го года). Нью-Йорк, 1919; [http://ru.wikisource.org/wiki/В_дни_революции_\(Оберучев\)#](http://ru.wikisource.org/wiki/В_дни_революции_(Оберучев)#).

⁷ Смирнов А. А. Вожди белого казачества. Атаман Каледин. СПб., 2003. С. 3.

Дмитриевич – до майора (войскового старшины): значит, выслужил потомственное дворянство. Являлись ли дворянами более далекие предки нашего героя – неизвестно.

С самого рождения Алексею была предопределена военная служба. О его раннем детстве нет никаких сведений, но, несомненно, со станичными мальчишками он играл в войну. После нескольких лет обучения в Усть-Медведицкой классической гимназии родители отправили Алексея в Воронеж, в Михайловскую военную гимназию. Военными гимназиями тогда назывались кадетские корпуса.

Любопытный факт: тот же Михайловский воронежский кадетский корпус в 1901 году, через двадцать два года после Каледина, окончит некто Владимир Овсеенко, сын капитана. Позднее он станет революционером, известным под псевдонимом Антонов. 8 декабря 1917 года Антонов-Овсеенко будет уполномочен руководить большевистскими войсками, действующими «против калединских войск и их пособников»⁸. Направляемые им красные части ворвутся в Новочеркасск, когда тело Каледина с пробитым сердцем уже будет сокрыто в безымянной могиле...

После Воронежа – Петербург. 1 сентября 1879 года Каледин зачислен юнкером во 2-е военное Константиновское училище. Два года учился там, потом прошел еще годичный курс в Михайловском артиллерийском училище. По окончании учебы 7 августа 1882 года определен сотником в конноартиллерийскую батарею Забайкальского казачьего войска (чин сотника в казачьих войсках соответствовал армейскому чину поручика). В Забайкалье прослужил несколько лет и был вновь направлен в Петербург на учебу. В подьесаулы (чин соответствует штабс-капитану) произведен в 1889 году, во время обучения в Николаевской академии Генерального штаба. В том же году, как окончивший Академию по первому разряду, причислен к Генштабу и отныне именуется армейским чином с прибавлением: Генерального штаба штабс-капитан (через два года уже капитан). Следующие шесть лет служил в Варшавском военном округе, по большей части в штабах. В 1895 году переведен на родину, на Дон: старшим адъютантом войскового штаба Войска Донского. Там же получил погоны подполковника, затем полковника. В 1900–1903 годах служил в управлении пехотной бригады. В 1903 году был назначен начальником Новочеркасского казачьего юнкерского училища – три года готовил офицеров для будущих войн, мировой и Гражданской... С 1906 по 1910 год снова на штабной работе: помощник начальника войскового штаба войска Донского – то есть ответственный за всю нудную канцелярскую рутину. Исполнительность и педантизм пригодились: в 1907 году произведен в генерал-майоры за отличие. В 1910 году, на пороге пятидесятилетия, – назначение в строй: получил бригаду. В декабре 1912 года назначен начальником 12-й кавалерийской дивизии. 14 апреля 1913 года произведен в генерал-лейтенанты.

Удачная карьера образцового службиста. Служба не боевая и в основном не строевая, а административно-штабная. В ней нет ничего интересного, ни одного яркого пятна. Молчаливый человек неспешно поднимается по ступеням чинов.

У него, правда, нет детей – для природного казака это, конечно, горе.

Личная и семейная жизнь Каледина – тайна за семью печатями. Известно только, что с будущей своей женой, Марией Гранжан (урожденной Ионер), гражданкой Швейцарии, он познакомился во время службы в Варшавском округе. Венчались они уже в Новочеркасске в 1895 году. На одной из немногих сохранившихся их совместных фотографий – пышнотелая дама скорее еврейского, нежели французского типа, в темном бархатном платье, в очках со шнурком; рядом с ней высокий молодцеватый темноусый офицер с погонами полковника. Стало быть, фотография сделана не ранее декабря 1899 года (время производства в этот чин). В источниках встречаются глухие и лишённые подробностей упоминания о том, что их единственный сын, одиннадцатилетний мальчик, утонул в речке Тузловке под Новочер-

⁸ Антонов-Овсеенко В. А. Записки о Гражданской войне. М., 1924. Т. 1. С. 51.

кассом. Фотография, по-видимому, сделана раньше: на лицах супругов нет той затаенной скорби, которая навсегда поселяется в глазах, в морщинках, в осанке, в положении рук родителей, потерявших единственного ребенка.

На этом можно было бы ставить точку. Жизнь прожита – худо ли, хорошо ли. Скорее хорошо, чем худо. Ему шестой десяток, река его судьбы течет размеренно, спокойно. Ему обеспечены почетная старость и хорошая пенсия – лет так через десять.

Кто же знал, что взлет и трагедия – впереди. И что предвестием этого самоубийственного взлета станет выстрел, прогремевший 28 июня 1914 года в Сараеве, в Боснии. Пуля, вылетевшая из браунинга, который сжимал в руках боснийский серб Гаврила Принцип, смертельно ранила наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда Габсбурга. Она же, подобно маленькому камушку, упавшему с вершины горы, породила титанический камнепад – гром миллиардов выстрелов Первой мировой войны. И бесконечным рикошетом, как эхом отражаясь от излучин времени, домчавшись до охваченного революционной смутой Дона, она же, эта пуля, или одна из бесчисленных ее сестер паразит через три с половиной года сердце генерала Каледина.

Дивным утром 18 июля...

12-я кавалерийская дивизия, входившая в состав XII армейского корпуса⁹ Киевского военного округа, дислоцировалась в Подолии, вблизи от австро-венгерской границы, за которой – Галиция. Штаб дивизии находился в городе Проскурове¹⁰, на Южном Буге. Отсюда до Винницы, до штаба корпуса, чуть больше ста верст. Летя с непривычной даже для кавалериста скоростью – в автомобиле! – по хорошо укатанной дороге, Каледин не мог не наслаждаться видом пышно-густых садов, расписных хат, начинающих золотеть полей, за которыми темнели живописные рощицы. Утреннее солнце играло на водах Буга. Над высоким берегом слева показались и поплыли мимо романтические руины Меджибожского замка. Все это радовало и умиротворяло душу. Но все же что-то беспокоило генерала. Какая-то колючка засела внутри, поблизости от сердца, и ворочалась там, не давала покоя.

Зачем ни свет ни заря вызвал корпусной командир генерал от кавалерии Брусилов? Почему он вернулся из отпуска на две недели раньше срока? Казак Каледин недолюбливал выпускника Пажеского корпуса Брусилова и считал, что тот недооценивает его. Поговаривали, что корпусной скоро уйдет на повышение, – может быть, хочет попрощаться? Это бы ладно, а то – чего хорошего можно ждать от внезапных вызовов к начальству?

Позавчера в Проскурове был получен секретный пакет из штаба округа о приведении войсковых частей в предмобилизационное положение. Что это означает? Проверка готовности? Учебная тревога? Не воевать же, в самом деле, собрались там, наверху! С кем воевать? Решили погонять этих строевых хорошенько. Однако же предмобилизация – дело нешуточное. Вторые сутки в дивизии никому нет покоя. И мчится автомобиль, сжигая казенный бензин, из Проскурова в Винницу средь роскошных полей Украины, один вид которых, счастливый и безмятежный, исключает всякую мысль о какой-то там войне.

И тут случилось нечто странное. Беспокойная колючка разорвалась в сердце Каледина маленькой злой шрапнелью... и исчезла. В ту же минуту генерал понял: будет война. Вокруг все кипело и наслаждалось жизнью. Но он уже знал: что-то страшное, смертельное, отвратительное притаилось за горизонтом. Оно наползало. Оно подбиралось к нему.

⁹ В дореволюционное время имело место относительное единообразие в обозначении соединений и объединений русской армии. В частности, номера полков, дивизий и армий писались арабскими цифрами, а номера корпусов, как правило, римскими. После Октябрьской революции, в период Гражданской войны единообразие было утрачено, что отразилось в первоисточниках и исторической литературе.

¹⁰ Совр. Хмельницкий.

Политика – не его, не офицерское дело. Но тут вспомнились недавние телеграммы о сараевском убийстве. Антисербская истерика немецких газет. Всеславянский пафос газет русских. Удивленная настороженность, внезапно появившаяся в движениях офицеров, – напряжение натянутой струны. И что-то странное в глазах солдат, какие-то блики и тени: то ли преданность, то ли ненависть. Все эти люди хотели жить. Но слишком многие из них хотели убивать. Были готовы убивать.

Адъютант провел Каледина в кабинет Брусилова. Первые же слова командующего, услышанные после уставного рапорта и приветствий, ударили в ту самую точку.

– Алексей Максимович, не знаю, успели ли вам передать: только что получен приказ о мобилизации.

Невольная пауза. Командующий продолжал:

– Я два дня как из Германии. В Берлине творится нечто неопишное: наше посольство в осаде; тысячные толпы требуют крови. Не буду от вас скрывать: ситуация развивается так, что, по-моему, война неизбежна.

Брусилов помолчал, призадумался, тронул кавалерийские усы, подошел к штабной карте:

– Не знаю нынешних планов Генштаба, но полагаю, что нас ожидает выдвижение на запад, в общем направлении на Дружкополь, Каменку-Струмилову и Львов. В связи с этим я вызвал начдивов, а вам, дорогой мой, вам надлежит...

... Через несколько часов, выходя после совещания из здания штаба корпуса, Каледин остановился на ступеньках, осмотрелся и, прежде чем надеть фуражку, тряхнул головой. Как будто хотел вытряхнуть больные, мрачные мысли. Огляделся. Милейший городок раскрывал ему свои объятия. Тихий вечер плыл над Бугом. Светились маковки Спасо-Преображенского собора. Гуляла молодежь. Слышались обрывки напевно произносимых фраз:

– Я бачу, що вы яка-то до мене нерасположенная...

– От дурашку, я ж тебе кохаю...

Невозможно было представить, что через несколько дней, недель или месяцев будет война. Что она вообще будет. Что весь этот мир вскоре полетит в тартарары.

Из воспоминаний Брусилова:

«Винница – очень хорошенький, уютный городок, живописно расположенный на холмистых берегах красивой реки... – удивительное сочетание культуры и захолустья одновременно. Рядом с целыми старосветскими усадьбами в садах и огородах посреди города – театр, который смело можно перенести в любую столицу, шестиэтажная гостиница с лифтом, электричеством, трамваи, водопровод, прекрасные парные извозчики. И тут же боковые улочки и переулки, заросшие травой, и мирно разгуливающие поросята, куры и цыплята. Окрестности очень красивые, много старинных польских и украинских поместий, монастырей и хуторов»¹¹.

Из мемуаров Михаила Дмитриевича Бонч-Бруевича, летом 1914 года полковника, впоследствии – генерал-лейтенанта Советской армии:

«Лето было в разгаре. Кое-как сколоченные столы на городском базаре ломились под тяжестью розовых яблок, золотых груш, огненных помидоров, лилового сладкого лука, „шматков“ тающего во рту трехвершкового сала, истекавших жиром домашних колбас – словом, всего того, чем так богата цветущая Украина. Безоблачное, ослепительно-голубое небо стояло над сонным городом, и, казалось, ничто не может нарушить мирного течения тихой провинциальной жизни...

¹¹ Брусилов А. А. Воспоминания. С. 54; 04.html.

Полковые дамы наперебой варили варенье и бочками солили превосходные огурцы; господа офицеры после неторопливых строевых занятий шли в собрание, где их ждали уже на накрахмаленных скатертях запотевшие графинчики с водкой; полк стоял в лагере, но ослепительно-белые палатки, и разбитые солдатами цветники, и аккуратно посыпанные песочком дорожки только усиливали ощущение безмятежно мирной жизни, владевшее каждым из нас»¹².

Из воспоминаний Брусилова:

«Винница – это последний этап нашего мирного, тихого бытия в прошлом. Всего год мы там прожили до войны. Наш скромный уютный домик с садиком, любимые книги и журналы, милые люди, нас окружавшие, масса зелени, цветов, прогулки по полям и лесам, мир душевный... А затем – точка... Налетел ураган войны и революции, и личной жизни больше нет»¹³.

Даты и факты

23 июля (10 июля по принятому в России юлианскому календарю¹⁴) 1914 года правительство Австро-Венгерской империи предъявило ноту правительству королевства Сербия. Возлагая на сербскую сторону ответственность за убийство эрцгерцога Франца Фердинанда, венский кабинет в ультимативной форме выдвигал ряд требований, несовместимых с государственным суверенитетом Сербии. Говорили, что, утверждая текст ультиматума, император Франц-Иосиф произнес:

– Россия никогда не примет его. Будет большая война.

Германия поддержала требования Австро-Венгрии.

25 июля, после напряженных консультаций с Петербургом и Лондоном, правительство Сербии заявило о готовности принять все пункты ультиматума, кроме одного – об участии австрийских властей в расследовании сараевского убийства на территории Сербии. В тот же день Австро-Венгрия приступила к частичной мобилизации войск против Сербии.

26 июля (13 июля по юлианскому календарю) начальник российского Генерального штаба генерал-лейтенант Янушкевич известил командующих войсками в округах о начале подготовительного к войне периода. (Приказ о приведении войск в предмобилизационное состояние был получен в частях Киевского военного округа только к вечеру 16 июля.)

28 июля Австро-Венгрия объявила войну Сербии и всеобщую мобилизацию.

30 (17) июля Николай II санкционировал приказ о всеобщей мобилизации в Российской империи.

31 (18) июля в России началась мобилизация. Император Германии Вильгельм II направил Николаю II требование немедленно прекратить мобилизацию. Требование было отклонено. В то же утро командир XII корпуса Брусилов прибыл из отпуска в штаб корпуса в Винницу.

¹² Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам. М., 1957. С. 11–12.

¹³ Брусилов А. А. Воспоминания. С. 54; 04.html.

¹⁴ В данном случае даты по григорианскому календарю (новому стилю) даются в начале и без скобок. В остальных случаях (кроме специально оговоренных) даты событий, имеющих преимущественное отношение к российской истории и произошедших по 31 января 1918 года включительно, даются по юлианскому календарю (старому стилю). Даты, имеющие преимущественное отношение к истории зарубежных стран, и даты всех событий, произошедших после 31 января 1918 года, даются по григорианскому календарю. (Отметим, что в источниках белогвардейского происхождения старый стиль широко использовался и после перехода Советской России на григорианский календарь.)

1 августа (19 июля) Германия объявила войну России и одновременно приступила ко всеобщей мобилизации. Телеграмму об этом Брусилов получил в Виннице вечером того же числа. В тот же день всеобщая мобилизация началась во Франции.

2 августа (20 июля) Николай II назначил Верховным главнокомандующим русскими войсками великого князя Николая Николаевича; начальником штаба Главковерха – генерал-лейтенанта Янушкевича. Образованы фронты: Северо-Западный (главнокомандующий – генерал от инфантерии Яков Григорьевич Жилинский) и Юго-Западный (главнокомандующий – генерал от артиллерии Николай Иудович Иванов). В составе Юго-Западного фронта образована 8-я армия под командованием Брусилова. 12-я кавдивизия влита в ее состав.

3 августа Германия объявила войну Франции. В тот же день германские войска вторглись в Бельгию.

4 августа королевское правительство Британии объявило войну Германии.

6 августа (24 июля) Австро-Венгрия объявила войну России. В этот же день произошла первая перестрелка между австрийскими войсками и русской пограничной стражей у железнодорожного моста через реку Збруч у станции Волочиск.

27 июля по русскому календарю (9 августа – по европейскому) два эскадрона 12-го уланского полка 12-й кавалерийской дивизии генерал-лейтенанта Каледина атаковали восточнее Волочиска полуэскадрон 2-го австрийского полка.

2 (15) августа командование 8-й армии получило директиву главнокомандующего фронтом: «наступая на фронт Ходоров – Галич, атаковать противопоставленные ей войска противника, имея в виду воспрепятствовать отходу значительных сил их за Днестр. Начать наступление 5 августа и 7 августа главными силами достичь реки Збруч»¹⁵.

5 (18) августа части 8-й армии переправились через реку Збруч, по которой проходила российско-австро-венгерская граница.

17 (30) августа на фронте 8-й армии развернулись первые большие бои, вошедшие в историю как сражение на реке Гнилая Липа. Брусилов впоследствии напишет: «Должен отметить серьезную услугу, которую в первый день сражения оказал армии генерал Каледина со своей 12-й кавалерийской дивизией. Она заняла разрыв фронта между 12-м и 7-м корпусами по собственной инициативе и боролась с подавляющею силою противника до подхода бригады 12-й пехотной дивизии...»¹⁶

Так начиналась Первая мировая война – для всего мира и лично для Каледина. Бои на Гнилой Липе стали в жизни пятидесятидвухлетнего генерала боевым крещением и одновременно полководческим экзаменом. Экзамен был сдан весьма неплохо.

«Кровь – это грязь, текущая внутри нас»

Не будем подробно рассказывать о боях, в которых участвовала дивизия Каледина. Развернувшаяся в августе – сентябре 1914 года Галицийская битва представляла собой хаотичное столкновение и взаимоистребление двухмиллионной массы людей на огромной территории между Вислой, Западным Бугом и Днестром. Никто из военачальников – ни русских, ни австрийских – не умел управлять таким огромным количеством войск на таких обширных пространствах. Имевшиеся средства связи не годились для своевременной передачи информации; разведданные устаревали, не успев достигнуть штабов. Штабы не поспевали за событиями; командующие принимали решения вслепую. Эффектно задуманные удары приходились по пустым местам, а в то же время целые полки на марше попадали под густую

¹⁵ Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 16: Период от объявления войны до начала сентября 1914 г. Первое вторжение русских армий в Восточную Пруссию и Галицийская битва / Сост. Я. К. Цихович. М., 1922. С. 133–134; http://www.grwar.ru/library/Strateg_Essay_1/SE_01_03.html.

¹⁶ Брусилов А. А. Воспоминания. С. 92; 06.html.

шрапнель, под сабли неведомо откуда взявшейся кавалерии, вырубались и расстреливались без остатка. Тыловые коммуникации не справлялись с переброской резервов и подкреплений; эшелоны и обозы с продовольствием и боеприпасами безнадежно отставали от наступающих войск, обрекая их на бессилие, голод, скорое и неминуемое отступление. Раненых не на чем было вывозить и негде размещать. В тылах царил хаос.

Из дневника Александра Ивановича Верховского, в начале войны капитана, впоследствии военного министра Временного правительства (запись относится к военным действиям на Северо-Западном фронте, но то же самое происходило и на Юго-Западном):

«Семь суток мы ходили без отдыха и перерыва вперед и назад, днем и ночью между Лыком и Маркграбовым, не зная зачем и почему. Три раза наша бригада попадала в одну и ту же деревню Калиновен и готовилась принять в ней бой. Могло создаться впечатление, что люди, руководившие нами, сошли с ума... Наше маневрирование, не руководимое из штаба армии, носило хаотический характер. Никакой связи между частями, никакой ориентировки начальников о том, что происходит, и о целях действий... Все, чему мы, молодежь, учились о современной войне, все было позабыто, все не исполнялось. Мы не знали, куда и зачем идем, откуда гремят выстрелы, кто и почему стреляет. Мы не знали, кто вправо и влево от нас, где нам получать наше продовольствие и снаряды»¹⁷.

Никакие результаты, достигнутые в такой войне, не могли быть прочными.

Вначале австрийцы разбили 5-ю армию Плеве под Томашувом на Люблинско-Холмском направлении. Потом 3-я армия Рузского и 8-я Брусилова сокрушили австрийцев на Гнилой Липе и рванулись на Галич и Львов. Австрийцы из Львова бежали, но через несколько дней нанесли встречный удар в районе Городка и Самбора, едва не окружили русские корпуса, едва не отобрали Львов. Когда Брусилов и Рузский уже не чаяли отбиться, австрийский фронт вдруг затрещал и покатился назад, за реку Сан, за Вислу и Дунаец, за хребты Карпат. Но и русское наступление вскоре захлебнулось: тылы отстали, убыль в войсках была колоссальной, а северо-западнее Галиции в начале октября германо-австрийские войска мощным ударом пробили фронт в направлении Варшавы, угрожая выйти во фланг и тыл всей галицийской группировке русских. Пришлось откатываться назад. Потом и рывок немцев на Варшаву обернулся их отступлением. Снова русские армии в Галиции двинулись вперед и снова уперлись в Карпаты.

Австрийские офицеры прозвали эти бесконечные растягивания и сжатия линии фронта «гуммикриг» – резиновая война.

В конце августа дивизия Каледина двигалась на Самбор, южнее Львова. Потом была выброшена навстречу прорвавшимся австрийцам у Комарно на реке Верещице западнее Львова. Здесь, во встречном бою, впервые дивизия понесла серьезные потери. Потом, в сентябре, был бросок на Сан и трудное отступление вдоль горных кряжей под холодными осенними ливнями. Потом короткий отдых в тылу – и снова наступление, встречные бои, броски, отступление...

Лили дожди, потом падал снег. Деревья оголились. Земля кругом была опустошена, разорена, загажена, вытоптана, выворочена наизнанку. К исходу осени стало ясно: война будет долгой, очень долгой. И неизвестно, сколько еще людей, полных жизни и сил, будет убито, искалечено, изуродовано, сколько рук и ног оторвано, сколько черепов пробито, сколько животов распорото штыками, сколько человеческих и конских внутренностей вывончено осколками снарядов, сколько криков, стонов, хрипов, ругательств еще пронесется под этим хмурым, задымленным военным небом.

¹⁷ Верховский А. И. Россия на Голгофе. Пг., 1918. С. 20.

Война была грязна и топила человека в безысходной грязи.

Из рассказов подполковника (с декабря 1914 года полковника) Эрнеста фон Валя:

«Из Хырова оттянули 12-ю кав[алерийскую] дивизию за фронт пехоты в резерв в дер[евню] Максимовцы. Это мирное передвижение участникам его показалось более отвратительным, чем предшествовавший отход. Важная дорога в ближайшем тылу армии была приведена в такой вид, что конные люди рисковали жизнью, двигаясь по ней. Ямы на шоссе были залиты водой, а на дне их лежали трупы утонувших в них лошадей и развалившиеся повозки.

<...>

...Белая лошадь с громадной раной в голове от попавшего в нее осколка гранаты стояла, вытянув шею, обливаясь кровью и шатаясь на ногах. Рядом в крестьянском дворе за избами лежали раненые гусары; прислоненный к стене в судорогах корчился контуженый бар[он] Черкасов...

На мосту лежали трупы и раненые лошади, брыкающие ногами. Когда все перебежали, вдоль обстреливаемого шоссе подлетала батарея. Очередь шрапнелей: часть лошадей падает, другие бьются в построениях...

<...>

В том месте, где накануне переправилась вброд через Быстрицу [Кавказская] туземная дивизия, на следующий день и 12 кав[алерийская] дивизия перешла на тот берег. <...> На том берегу Каледин слез, чтобы выждать сбор всей дивизии. Зайдя в избу, он отшатнулся от луж крови на полу. Хозяин рассказал, что накануне здесь спрятались два австрийских офицера. Они на коленях умоляли туземцев (солдат Кавказской туземной дивизии. – А. И.-Г.) о пощаде – но их зарезали на полу кинжалами»¹⁸.

Замечателен финал последнего процитированного эпизода воспоминаний фон Валя: «Каледин поморщился и вышел на свежий воздух».

Что еще может сделать генерал-лейтенант, командир дивизии его императорского величества, при виде крови зарезанных пленных? Поморщился и вышел на свежий воздух...

В этот день – 16 февраля 1915 года, на речке Быстрице, к юго-западу от Станиславова¹⁹ – военная судьба, доселе к Каледину благосклонная, впервые грозно обернулась против него. Шел артиллерийский бой возле деревни Беднарово. Генерал отправился на батарейный наблюдательный пункт.

Рассказывает фон Валь (в это время исполняющий должность начальника штаба дивизии):

«Ехал он, как раньше часто случалось, впереди фронта позиции и свернул назад на батарею. Полковник Богалдин, который сделал все, чтобы его батарея стала на позицию незаметно для противника, увидев начальника дивизии с группой сопровождавших его чинов, слезших с коней и подходивших по снегу к батарее, выбежал вперед и сказал начальнику штаба (фон Валь. – А. И.-Г.): „Неужели вы не можете его удержать от этого? Теперь будет обнаружена и батарея и мой наблюдательный пункт...“ Противник немедленно открыл огонь и уничтожил наблюдательный пункт, ранив сперва солдата-артиллериста, а потом и остальных наблюдателей. Тогда Каледин отошел на несколько сот шагов назад, и стал открыто, несмотря на просьбу начальника штаба, прислоняться к дереву. <...> Но вот новый разрыв шрапнели – и Каледин падает на спину. Солдат ординарец и корнет Скачков его хва-

¹⁸ Валь Э. Г. Кавалерийские обходы генерала Каледина. С. 10, 56–59; 01.html, 10.html, 11.html.

¹⁹ Совр. Ивано-Франковск.

тают под мышки и тащат в ложину, что была вправо и назад от рощи. Противник, замечая выход людей, открывает ураганный огонь по оставшимся, которые выбегают по очереди. Рощица превращается в ад... Но вот все собрались в ложине, покрытой высоким кустарником, около лежащего бледного с стиснутыми зубами Каледина... Шрапнельная пуля попала в толстую стопу туалетной бумаги в кармане Каледина, пробила ее и проникла в ляжку»²⁰.

Показная храбрость, ненужное упрямство, ввержение окружающих в опасность, бессмысленное ранение. Прав, видимо, был Брусилов, характеризуя Каледина как человека «характера твердого и несколько упрямого». Но, может быть, виновата тоскливая, засасывающая жуть бессмысленной и беспощадной бойни? Может быть, генерал восчувствовал всю безнадежность резиновой войны – и пошел под шрапнель, дабы избавиться от этого невыносимого чувства?

Перелом

Ранение оказалось серьезным. Пуля ударила в бедренную кость и скользнула по ней вниз почти до коленного сустава. Врачи говорили, что пройди она еще три-четыре сантиметра – не избежать было бы ампутации. Но обошлось. Недели через три Каледин пошел на поправку. Однако в строй вернуться смог только в июле.

Его карьере эта история пошла на пользу. Он был представлен к награде: «За то, что, состоя начальником 12-й кавалерийской дивизии, в середине Февраля 1915 года, будучи направлен во фланг противнику, теснившему наши войска от гор. Станиславова к Галичу и угрожавшему последнему, лично командуя дивизией и находясь под действительным огнем противника, причем 16-го Февраля был ранен, энергичными действиями сломил упорное сопротивление бывшего против него противника в районе с[ела] Беднаров»²¹. И осенью того же года петлица его кителя украсилась крестом ордена Святого Георгия третьей степени. (За сражения на Гнилой Липе и подо Львовом он еще в октябре четырнадцатого получил георгиевское оружие и Георгия четвертой степени.)

Но главное: пока он лежал в госпиталях, пока отбывал положенный отпуск, ситуация на всем восточном театре мировой войны роковым образом изменилась.

В конце апреля 1915 года германо-австрийская группировка войск под командованием Макензена нанесла по центру Юго-Западного фронта мощнейший удар. Бои у Горлице привели к тяжелому поражению 3-й армии генерала Радко-Дмитриева, прорыву фронта и отступлению русских войск на огромном пространстве от Балтийского моря до Днестра. Галиция, на протяжении девяти месяцев ежедневно удобряемая трупами и поливаемая кровью – русской, австрийской, немецкой, чешской, польской, украинской, венгерской, – была полностью потеряна. Отбиваясь от фланговых ударов и испытывая острейшую недостатку во всем – в винтовках, в снарядах, в медикаментах, в обмундировании, в людях, – русская армия с боями оставила Польшу, Литву, Курляндию. Приняв на себя 23 августа Верховное главнокомандование, Николай II смог добиться лишь относительной стабилизации фронта. К началу второго года войны людские потери России исчислялись уже семизначными цифрами, и конца-краю этой бойне не было видно. В победу верить становилось все труднее. В умах и душах людей что-то сдвигалось и надламывалось.

Злоба. Вот какое растение все гуще, все заметнее пробивалось сквозь унавоженную войной почву. Кто виноват? Кто враг? Его надо найти, убить, растоптать, уничтожить. Нет,

²⁰ Валь Э. Г. Кавалерийские обходы генерала Каледина. С. 60; 11.html.

²¹ Высочайший приказ от 3 ноября 1915 года. Цит. по: сайт «Русская императорская армия. Каледин Алексей Максимович»: <http://www.regiment.ru/bio/K/23.htm>.

мало: разорвать его на куски, содрать с него шкуру, зарыть живьем в землю – и его самого, и его жену, и его детей... Так прорастала великая и неделимая российская ненависть – исходная причина революции, Гражданской войны, красного и белого террора, массовых бессмысленных репрессий...

А первым делом надо было найти тех, кто виновен в весенне-летнем поражении. Давление общего настроения стопятидесятимиллионного народа было таково, что даже государь император, лучше других понимавший, что виновных нет или, что то же самое, – виноваты все, все общество, отравленное неверием, наполненное враждой, разделенное своекорыстными интересами, не желавшее ничем жертвовать для общего дела, для подготовки к войне, – даже он, государь, вынужден был выдать первую жертву на расправу. В июне был уволен в отставку военный министр Сухомлинов, и в отношении его началось судебное расследование. Юридических результатов оно не принесло: ничего преступного в деятельности бывшего министра обнаружено не было. Вокруг Сухомлинова бытовали обыкновенные для военного ведомства воровство, подхалимаж и разгильдяйство – так ведь то же самое творилось и при его предшественниках. Но был явлен образ врага народа российского: вот он, в министерском кресле, в генеральском мундире. По всем углам огромной страны разлетелось слово «измена» – произносимое сначала шепотом, потом все громче и громче. Враг – там, наверху. А кто выше всех?

Не будем забегать вперед. Тогда, летом 1915 года, эти события только способствовали продвижению Каледина по службе. За время военных действий в Галиции он завоевал репутацию умелого, храброго, толкового военачальника. Многие генералы в хаосе этой войны оказывались не способны принимать своевременные решения, теряли управление войсками, а порой и самообладание. Он – нет. Он всегда оставался внешне спокоен, никогда не выпускал командирскую узду из рук. В июле 1915 года он был назначен командиром XII армейского корпуса – того самого, в котором раньше состоял под началом Брусилова (свою «родную» 12-ю кавдивизию Каледин, будущий глава Вольного Дона, сдал генерал-майору барону Карлу Маннергейму, будущему главе независимой Финляндии). Брусилов еще год назад поднялся на ступень командующего армией. Теперь он поднял – поближе к себе – давно и хорошо знакомого генерала. Конечно: Каледин надежен, Каледин упорен. А главное – он не амбициозен, не лидер, не вождь. Брусилову, который всегда метил высоко, нужны были именно такие подчиненные – чтобы не вырвались вперед и вверх из-под его (несуществующего, но снившегося ему, наверно, по ночам) фельдмаршальского жезла.

Что подарила жизни Каледина новая должность? Да ничего. Все та же упорная, въедливая военная работа; за ней – то успехи, то неудачи. Ничего великого корпус под командованием Каледина не совершил.

Из воспоминаний Брусилова:

«Командиром корпуса он был уже второстепенным, недостаточно решительным. Стремление его всегда все делать самому, совершенно не доверяя никому из своих помощников, приводило к тому, что он не успевал, конечно, находиться одновременно на всех местах своего большого фронта и потому многое упускал. <...> На практике на нем ясно обнаружилась давно известная истина, что каждому человеку дан известный предел его способностям, который зависит от многих слагаемых его личности, а не только от его ума и знаний, и тут для меня стало ясным, что, в сущности, пределом для него и для пользы службы была должность начальника дивизии; с корпусом же он уже справиться хорошо не мог»²².

²² Брусилов А. А. Воспоминания. С. 176–177; 10.html.

Впрочем, Брусилов едва ли объективен (почему – узнаем позже). К тому же 8-я армия, в состав которой входил корпус Каледина, со второй половины лета 1915 года находилась в стороне от главных военных событий: постепенно отступала, сначала за Западный Буг, потом за Стырь, отбиваясь от не слишком назойливых, тоже измотанных и обескровленных австро-венгерских войск. Некомплект в частях достигал пятидесяти процентов. Почти треть сил армии была переброшена в Белоруссию и Литву, где складывалась угрожающая ситуация. Полководческому гению в таких условиях не развернуться. И все же в чем-то Брусилов прав: после ранения в Каледине произошла неуволнимая перемена. Какая-то в его облике проявилась безнадежная понурость, следствие душевной усталости, неверия в успех.

«...Из него как будто вынут был тот „аршин“, который полагается „проглотить“, чтобы получить настоящую военную выправку. Однако дело было уж не в этой внешней выправке, когда ему были вверены Брусиловым силы, действующие на ведущем участке фронта: важна была выправка внутренняя – армия в голове, и об этом был острый разговор по существу дела между двумя генералами от кавалерии, из которых один был старше другого на восемь лет, но смотрел на него с сожалением, недоумением и горечью, которую не только не мог – даже и не хотел скрывать.

Правда, и два предыдущих дня, и этот, в который приехал Брусилов, были днями ожесточеннейших контратак немцев по всему вообще фронту и главным образом на участке восьмой армии, однако такой прием немецких генералов не был новостью для Брусилова, и он не понимал, почему им так явно даже для невнимательного глаза удручен боевой командир Каледин.

<...>

– Мы чтобы шли в наступление? – изумился Каледин.

– Непременно, – тоном приказа ответил Брусилов.

Но Каледин, вдруг насупясь, глядя не на него, а куда-то вбок, буркнул:

– Наступать мы не можем»²³.

Этот отрывок из «Горячего лета» Сергеева-Ценского относится уже к событиям следующего, 1916 года – к событиям, с которых начинается последний взлет в жизни Каледина: начало славы и исходная причина гибели.

Как во сне

Брусиловский прорыв – одна из самых знаменитых операций Первой мировой войны. А мог бы называться Калединским прорывом. Впрочем, ни то ни другое название не имеют отношения к действительности. Потому что прорыва – вперед, на оперативный простор, к победам, к звездам – не было. Была очередная кровавая военная работа, только еще более смертоносная и безжалостная, чем в первые годы войны.

Об операции в целом – позже. Сейчас – о Каледине. В марте 1916 года он становится командующим 8-й армией. Вполне понятно: 17 марта государь подписал приказ о назначении Брусилова главнокомандующим Юго-Западным фронтом. Алексей Алексеевич шагает еще на ступень выше. И тут же подтягивает за собой Алексея Максимовича: передает ему прежнюю свою армию; это назначение состоялось уже через три дня, 20 марта. Стало быть, доверяет ему больше, чем кому-либо из подручных военачальников. Откуда же нарочито-пренебрежительный тон той характеристики, которую дает Брусилов Каледину в мемуарах? Дело в том, что три четверти успеха единственного крупного наступления,

²³ Сергеев-Ценский С. Н. Преображение России. Горячее лето. Гл. VI, III: <http://www.classic-book.ru/lib/al/book/1092>.

осуществленного войсками фронта под командованием Брусилова, пришлось на долю 8-й армии Каледина. Калединский прорыв. И в чинах они сравнились: Каледин произведен в генералы от кавалерии. А вдруг вся слава победы достанется ему? Генералы ревнивы к славе.

22 мая артиллерия 8-й армии (716 орудий) ударила по позициям противника и 29 часов перемалывала несчастную землю между речкой Путиловкой и Стырью. 23 мая корпуса перешли в наступление. 25 мая был взят город Луцк. (В овладении Луцком, кстати говоря, участвовала 4-я стрелковая Железная дивизия генерала Деникина.) К 1 июня взяты Рожище, Сокаль, Шепель. Австрийские войска в беспорядке отступали на Владимир-Волинский и Ковель. Бодрящие телеграммы полетели в императорскую Ставку в Могилев, в Петербург, в Москву; в газетах замелькало: Луцк, Брусилов, Каледин, наступление, прорыв, победа. Фронт противника в самом деле был прорван. И...

И все. Успех был достигнут – но развить его не удалось. Не помогли соседи. Не хватило резервов. Не подвезли вовремя снаряды и патроны. Противник перебросил подкрепления. Словом, много было причин того, что армия Каледина, пробив толщу вражеской обороны, застряла в двух десятках верст к западу от Луцка. В июне развернулись бесконечные бои на реке Стоход, на Ковельском и Владимир-Волинском направлениях – и продолжались пять месяцев. Сколько тут было угроблено народу – трудно даже представить. Потери 8-й армии были самыми высокими среди армий фронта. Уже в первые три дня наступления, 23–25 мая, убитыми было потеряно до 6 тысяч человек, ранеными 26 тысяч человек, пропавшими без вести – около тысячи человек (15 процентов состава армии)²⁴. И дальше было не лучше. Только в одном бою 14 сентября у Кoryтницы 10-я Сибирская дивизия потеряла убитыми, ранеными, пленными 4899 солдат и офицеров²⁵. Тут со всей ужасающей ясностью обозначилась ранее несвойственная Каледину черта: он перестал жалеть людей. Впрочем, не только он. Одно и то же творилось по всему фронту. Главнокомандующий требовал наступать, командующие армиями бросали дивизии на укрепленные позиции противника, батальоны один за другим уходили в огненное небытие.

Вот горячая, сбивчивая, полная желчи запись о Каледине в воспоминаниях генерала В. И. Соколова (в ходе боев на Луцко-Ковельском направлении командовал 14-й дивизией в составе VIII корпуса):

«...Кровавую он оставил о себе память в VIII армии; с ним обычно связываются воспоминания не о светлых днях Луцкого прорыва, когда по странной случайности он только что принял армию, уже подготовленную к Луцкой операции, и ему оставалось только спустить тетиву уже натянутого лука, а, по несчастью, принадлежавшим к его творческим потугам прорвать фронт сконцентрированных сил немцев и австрийцев на лобном месте небольшого фронта между Кoryтницею и Шельвовым, где в одну и ту же точку в июле, августе, сентябре и октябре месяцах Каледин бросал корпус за корпусом, укладывая их под подавляющим огнем многочисленной артиллерии неприятеля; постепенно гибли VIII, IX Сибирский, XL, оба гвардейских корпуса, гибли лучшие дивизии по непонятному упрямству Каледина, повторявшего ошибку немцев под Верденом, но Верден сам по себе представлял пункт особой стратегической важности, признаков которой никак нельзя было найти в безвестных деревнях Кoryтница, Свинюха и Шельвов. Никто не понимал, зачем нужно толочь людей в этой огненной ступе, но Каледин толк их упрямо и уже заслужил себе прозвище мясника, графа Кладбищенского-Кoryтницкого и тому подобное. Особенно приходила от него в ярость гвардия, на традиции которой пытался наложить Каледин свою руку. Мне приходи-

²⁴ Ветошников Л. В. Брусиловский прорыв. Оперативно-стратегический очерк. М., 1940. С. 74.

²⁵ Нелипович С. Г. Виновных в трагедии не искали. Почему? Материалы расследования боя 4-го Сибирского корпуса 14 (27) сентября 1916 года // Военно-исторический журнал. 1998. № 6. С. 44.

лось слышать, что в данном случае Каледин являлся только исполнителем требований Брусилова и что будто бы он чуть не плакал, получая требования Брусилова о повторении этих бессмысленных атак, но если это так, то это все же не может оправдать Каледина, который имел возможность со своего наблюдательного пункта лично видеть обстановку, обязан был открыть глаза Брусилову на несоответствие его требований, да они и не могли простирались до указания точки удара, а ее всегда мог изменить Каледин, отнеся ее только к югу от Корытниц, но мы продолжали долбить четыре месяца в одну и ту же точку»²⁶.

К исходу ноября все стихло. Фронты застыли в бессильном изнеможении. Победы не было. Впереди – новые бои, новые жертвы. Когда возобновится бойня? Через неделю? Через месяц?

Командование 8-й армии располагалось в Луцке. Заканчивалась третья осень войны. После очередного объезда позиций Каледин вернулся в штаб армии. Провел совещание. Отпустил генералов и офицеров. Остался в кабинете один. Он устал, устал беспредельно. Попытался еще раз просмотреть сводки и донесения, накопившиеся за последние сутки. Понял, что уже не может бороться с усталостью и сном. Глаза слипались, голова не держалась на плечах. Ушел в соседнюю комнату, лег, не снимая мундира, на походную кровать. Расстегнув ворот, ощутил под ладонью эмаль и металл Георгиевского креста. Другой Георгий легкой тяжестью лежал на нагрудном кармане, над самым сердцем. Сердце замерло в преддверии покоя.

Перед глазами генерала уже темнели карпатские предгорья, неслась вздувшаяся от дождей река, вдоль нее по размокшей дороге двигалась колонна войск. Он скакал верхом вдоль колонны в сопровождении офицеров штаба. Вдруг за поворотом наперерез ему на середину дороги выползла телега; возница сидел к генералу спиной, закутавшись в какое-то тряпье, и, видимо, спал. Генерал окрикнул, но возница как будто не слышал его. Подскакав к телеге вплотную и чувствуя прилив неудержимого гнева, генерал заорал изо всех сил на незадачливого солдата. Тот наконец медленно обернулся, разматывая башлык. Его лицо было землисто-бледным, точь-в-точь как у пленного австрийского офицера, зарезанного в Бендарове. Глядя на генерала остекленевшими пустыми глазами, солдат стал неестественно медленно вытаскивать из-под полы шинели какой-то нелепый нож – именно не саблю, не шашку, а нож, темный, покрытый пятнами то ли ржавчины, то ли крови. Страх охватил генерала: он понял, что сумасшедший солдат сейчас бросится на него с этим ножом. Генерал выхватил шашку, замахнулся ею – но тут на него накинулись десятки людей: офицеры, унтеры, казаки; они схватили его за руки, за сапоги, за одежду, стащили с седла, бросили наземь. Один щуплый солдат, легко раненый, с веснушчатым детским лицом, скинул с плеча винтовку, размахнулся и что было силы ударил штыком прямо по Георгию 4-й степени, белевшему на генеральском мундире...

Каледин проснулся от внезапной боли – как удар в сердце. И тут же прошло. Встал, потряхнул головой, одернул китель, застегнул воротник, пошел руководить армией – готовить ее к новому наступлению.

Вверх дном

Новому наступлению не суждено было состояться.

²⁶ Соколов В. И. Заметки...

Из воспоминаний генерал-майора Бориса Владимировича Геруа, в начале 1917 года генерал-квартирмейстера Особой армии, располагавшейся под Луцком справа от армии Каледина:

«...Никому не приходило в голову, что мы накануне революции. Поэтому первые известия о ней 27 февраля явились громом с неба, которое казалось нам чистым и голубым, или почти таким. Четыре дня до отречения Государя прошли в почти непрерывных разговорах по прямому проводу со штабом фронта. На моей обязанности было принимать лично днем и ночью эти длиннейшие ленты с выстукиваемыми на них „последними новостями“. Ползли из машины неожиданные слова, медленно складывавшиеся в совершенно невероятные фразы»²⁷.

В ночь с 3 на 4 марта телеграф принес ошеломляющие новости.

Государь император отрекся от престола.

В Петрограде²⁸ – правительство из депутатов Прогрессивного блока.

Верховный главнокомандующий – Николай Николаевич.

В России произошла революция.

Нет! Если бы произошла! Она только начиналась.

Из воспоминаний Эраста Николаевича Гиацинтова, штабс-капитана артиллерии, в начале 1917 года находившегося в войсках Юго-Западного фронта:

«Первого марта вечером дошли до нас первые вести о событиях в Петрограде. Впечатление было ошеломляющее... В первый момент на всех нас нашло самое мрачное отчаяние, так как никто не думал, что правительство без всякого сопротивления отдаст власть. Ясно было, что внутренние беспорядки отзовутся гибельно на состоянии фронта, значит, сорвется наступление и еще затянется война...

Через два дня пришел Манифест Государя Императора об отречении от престола и манифест великого князя Михаила Александровича. Командир батареи, не будучи в силах читать эти манифесты солдатам сам, поручил это сделать мне. Солдаты молча выслушали оба манифеста. Никто из них никаких восторгов не выражал»²⁹.

Из записок Маркела Михайловича Максимова, в 1917 году рядового солдата:

«Не доходя до г[орода] Черновицы, послали вперед квартиреров, и, когда стали подходить к городу, нас встретили посланные вперед люди для подыскания квартир. Один из них был унтер-офицер, подходит к офицерам, шедшим впереди. Мы тоже шли впереди, слышим, докладывает командиру о квартирах, а потом говорит: „Ваше благородие, что мы там слышали! Как будто говорят – царь отрекся от престола“. Тут все офицеры ахнули от ужаса, как то, что мы будем делать?»³⁰

Из воспоминаний К. Попова, штабс-капитана Сводного полка Кавказской гренадерской дивизии:

«Все перевернулось сразу вверх дном. Грозное начальство обратилось в робкое, растерянное, вчерашние монархисты – в правоверных социалистов, люди, боявшиеся сказать

²⁷ Геруа Б. В. Воспоминания о моей жизни. Т. 2. Париж, 1969. С. 164–165.

²⁸ Указом Николая II в августе 1914 г. Санкт-Петербург был переименован в Петроград.

²⁹ Гиацинтов Э. Н. Записки белого офицера. СПб., 1992. С. 96–97.

³⁰ Максимов М. М. Выдержки из воспоминаний Максимова Маркела Михайловича (1893–1986). Рукопись: сайт «Русская армия в Великой войне»: http://www.gwar.ru/library/Maximov-Memories/MM_07.html.

лишнее слово из боязни плохо связать его с предыдущими, почувствовали в себе дар красноречия и началось углубление и расширение революции по всем направлениям»³¹.

Мы еще не раз будем возвращаться к событиям февраля – марта семнадцатого. Сейчас скажем только, что за два месяца русская армия стремительно прошла путь от боеспособной до разлагающейся. Действительно, все перевернулось сразу вверх дном. Хаос вылезал отовсюду. Снизу – в образе распоясанной черни, озлобленной солдатчины, анархической матросни. Сверху – в виде лавины декретов, постановлений, распоряжений и приказов Временного правительства, полных безудержной демагогии и горячечных нелепостей. Три мотива звучали в этих актах государственного безвластия: тотальная некомпетентность, безудержные амбиции, страх перед массами. Следствием этого страха стала так называемая демократизация армии, приведшая к созданию в войсках всевозможных выборных комитетов, проведению бесконечных митингов, на которых ничего не решалось, но зато с озлобленной легкостью отменялись любые приказы командования. Офицеров никто не слушал. Генералы ничем не управляли. За их прямыми, по военному расправленными спинами уже не было силы, не чувствовалась державная мощь. Гучков, военный министр Временного правительства, тщеславный дилетант, не доверял старым генералам, подозревал их всех в симпатиях к свергнутому царю и, во избежание заговора, выдавливал одного за другим с командных должностей. Понеслась беспорядочная кадровая чехарда. Николай Николаевич так и не смог вступить в должность Верховного главнокомандующего; назначенный Временным правительством вместо него бывший начальник штаба Верховного главнокомандующего (на тогдашнем военном жаргоне – наштаверх) Алексеев продержался семьдесят один день. Вслед за ним до конца года успели сменить друг друга пять Верховных...

К маю месяцу развал армии стал очевидным.

Брусилов:

«Офицер сразу сделался врагом в умах солдатских, ибо он требовал продолжения войны и представлял собой в глазах солдата тип барина в военной форме. <...> Офицер в это время представлял собой весьма жалкое зрелище, ибо он в этом водовороте всяких страстей очень плохо разбирался и не мог понять, что ему делать. Его на митингах забивал любой оратор, умевший языком болтать и прочитавший несколько брошюр социалистического содержания»³².

Гиацинтов:

«Чем дальше я отъезжал от позиции, тем более и более поражался распущенности тыла. Встречающиеся солдаты все реже и реже отдавали честь. Подъезжая к Луцку, я встретил какую-то орду, не имеющую, кроме одежды, ничего общего с воинской частью. <...> По улицам Луцка бродило множество солдат самого гнусного вида. Почти никто из них не отдавал честь. <...> На вокзале вместо расторопного, чистого и хорошо одетого жандарма, всегда идеально знающего расписание поездов не только своей ветки, но и соседних с ней, увидел какое-то недоразумение в обмотках, именуемое милиционером, которое ни на один из вопросов не ответил. <...> Заплеванный семечками и загаженный Петроград, переполненный праздношатающимися солдатами и декольтированными матросами, превзошел самые мрачные ожидания»³³.

³¹ Попов К. Воспоминания кавказского гренадера. 1914–1920 гг. Белград, 1925. С. 194; http://www.grwar.ru/library/CaucasusGrenadeer/CO_09.html.

³² Брусилов А. А. Воспоминания. С. 271; 15.html.

³³ Гиацинтов Э. Н. Записки белого офицера. С. 114.

Попов:

«Волна людского лицемерия, злобы, низкой подлости, разнузданного хамства и прочих земных пороков захлестнула всю Россию. Грусть и отчаяние охватили меня. В эти дни я думал: „Наверное, найдется вождь, который кликнет клич и соберет вокруг себя все честное, сильное духом и мужественное и продиктует свое властное решение“. Я мысленно перебирал в уме имена всех наших генералов с большими именами – их было много, но все молчали, как заколдованные»³⁴.

Каледин тоже молчал. В вожди он не метил. Первое время как-то пытался примириться с творящимся вокруг него. Со всеми этими советами и комитетами, декретами и лозунгами, которых понять не мог, которые претили его душе – душе потомственного офицера. Он привык всю жизнь делать одно дело – военное. А они не давали ему делать это дело, разваливали порядок, без которого он не мыслил бытия. Компромисс не мог быть долгим.

Константин Оберучев, комиссар, направленный Временным правительством осуществлять «демократизацию» Киевского военного округа:

«Мы разговорились с ним (Калединым. – *А. И.-Г.*) о текущем моменте, и он не относился отрицательно к перевороту (Февральской революции. – *А. И.-Г.*). Но он не был доволен введением войсковых и иных комитетов и терпел их, как введенные правительственной властью организации. <...> Но уже то, что он не шел к ним навстречу, создало ему массу врагов среди чинов черновицкого гарнизона, и члены Исполнительного комитета черновицкого гарнизона в первое же свидание посвятили меня в свое недовольство генералом Калединым»³⁵.

Это могло закончиться только одним – уходом из армии. 29 апреля 1917 года, на тридцать восьмом году службы, генерал от кавалерии Каледин был отстранен от должности командующего 8-й армией и нового назначения не получил. Армию сдал присланному Временным правительством генералу Корнилову и, оказавшись не у дел, отправился на родину, на Дон. В Новочеркасске в это время шумел и митинговал Донской войсковой круг – детище демократизации. Там Каледин был принят с почетом, даже с восторгом. Тут и возникла, сразу во многих умах, мысль – избрать его войсковым атаманом. Кого, как не его – природного казака, прославленного Луцким прорывом, носящего высший воинский чин русской армии? Из всех казачьих генералов он был в тот момент самой значительной фигурой. К тому же его хорошо помнили в Новочеркасске. Его добросовестность, любовь к порядку, а главное, отсутствие политических амбиций – давали основание полагать, что он обеспечит области Войска Донского устойчивое положение посреди шатающейся России.

19 июня 1917 года впервые со времен Петра Великого Войсковой круг избрал главу Вольного Дона. Войсковым атаманом стал Алексей Максимович Каледин.

224 ступени

Последнее служение Каледина длилось 224 дня. Каждый из этих дней – шаг в пропасть.

Должность войскового атамана была скорее общественной, чем властной. Да, собственно, власти уже не было во всей стране. Повсюду росли всевозможные комитеты, кипели митинги; власть заместила уговариванием. А за завесой бесконечной политической бол-

³⁴ Попов К. Воспоминания кавказского гренадера. С. 194–195.

³⁵ Оберучев К. М. В дни революции...

товни зрела гражданская война. Разрастались страшные трещины в основании общества; сквозь них то там, то сям прорывалась лава социальной ненависти. Армия уже не деградировала – она разваливалась; неповиновение солдат командирам стало повседневным явлением, расправы над офицерами совершались все чаще, и десятки тысяч дезертиров несли с фронта в тыл безжалостный дух и опыт безнаказанного убийства.

Войсковой атаман ясно понимал, что ничего не может сделать. Как тогда, в оскверненной убийством пленных галицийской хате. Только выйти уже некуда.

Ободряло только одно: всеобщий развал как будто не затронул донское казачество. Пока Дон оставался тихим, можно было на что-то надеяться.

В середине августа в Москве проходило Государственное совещание, созванное Временным правительством ради благой цели – объединения всех и всяческих общественных сил. В зале Большого театра собрались 2600 участников. От имени представителей всех двенадцати казачьих войск поручено выступать Каледину.

Из речи Каледина 14 августа 1917 года:

«Выслушав сообщение Временного правительства о тяжелом положении Русского государства, казачество... приветствует решимость Временного правительства освободиться, наконец, в деле государственного управления и строительства от давления партийных и классовых организаций, вместе с другими причинами приведшего страну на край гибели. <...>

Служа верой и правдой новому строю, кровью своей запечатлев преданность порядку, спасению родины и армии, с полным презрением отбрасывая провокационные наветы, обвинения в реакции и контр-революции, казачество заявляет, что в минуты смертельной опасности для родины, когда многие войсковые части, покрыв себя позором, забыли о России, оно не сойдет со своего исторического пути служения родине в с оружием в руках на полях битвы и внутри в борьбе с изменой и предательством. <...>

В глубоком убеждении, что в дни смертельной опасности для существования родины все должно быть принесено в жертву, казачество полагает, что сохранение родины, прежде всего, требует доведения войны до победного конца в полном единении с нашими союзниками. <...>

Армия должна быть вне политики. Полное запрещение митингов и собраний с их партийными борьбой и распрями.

Все советы и комитеты должны быть упразднены, как в армии, так и в тылу, кроме полковых, ротных, сотенных и батарейных, при строгом ограничении их прав и обязанностей областью хозяйственных распоряжений. <...>

Дисциплина в армии должна быть поднята и укреплена самыми решительными мерами. <...>

Россия должна быть единой. Всяким сепаратным стремлениям должен быть поставлен предел в самом зародыше. <...>

Время слов прошло. Терпение народа истощается – нужно делать великое дело спасения родины»³⁶.

Речь не особенно впечатляющая. Дежурные заверения в почтении к Временному правительству, клятвы верности родине и революции (как будто полгода назад не клялись точно так же в верности государю). Опасливые оговорки в самых важных местах: «все советы должны быть упразднены... кроме полковых, таких, сяких и прочих...» Прочитанная по бумажке ровным, глуховато-монотонным голосом, заурядная по форме и компромиссная по

³⁶ Русское слово. 1917. 15 (28) августа.

содержанию, эта речь не должна была бы произвести впечатления... Однако произвела. Бурные аплодисменты справа, яростное негодование слева. Реакция зала говорит о том, что люди, даже эти, избранные, не были в состоянии воспринимать слова, а ждали только лозунгов, под которыми, как под яркими знаменами, можно было бы броситься друг на друга.

Гражданская война уже началась – в душах людей. Возможно, об этом думал атаман Каледин, возвращаясь из Москвы в Новочеркасск. Государственное совещание завершилось явным провалом. Единства не было. Ничего не было. Из кратких разговоров в Москве с главковерхом Корниловым, с другими генералами Каледин вынес уверенность в том, что готовится новая неприятность, новый удар по рушащемуся порядку. Какая-то масштабная политическая интрига, в которую его не посвящали, на которую, однако, многозначительно намекали.

Через десять дней произошли события, официально объявленные Корниловским мятежом. События странные, парадоксальные, путанные и трагические (речь о них впереди). Из Новочеркасска происходящее было видно плохо. Генералы, арестованные 1 сентября по приказу Керенского, как и осуществлявший арест генерал Алексеев, были хорошо знакомы Каледину. Имя Каледина было упомянуто Корниловым в показаниях, данных им Чрезвычайной следственной комиссией, как имя возможного военного диктатора. Это означало: конфликт с Временным правительством неминуем. Назначение Керенского главковерхом могло вызвать у Каледина только чувство брезгливого отвращения к штатскому болтуну, напавшему на себя какой-то полунаполеоновский френч. Но когда 25 октября из Петрограда пришла отчаянная телеграмма от министра юстиции Малянтовича о вооруженном захвате Советами власти в столице, атаман и его окружение незамедлительно выступили в поддержку Временного правительства. Уже на следующий день Каледин объявил, что вся полнота власти в области Войска Донского переходит к нему и возглавляемому им Войсковому правительству. Переворот в Петрограде он назвал преступным и недопустимым. Ввел на Дону военное положение. Запретил деятельность Советов.

Теперь уже каждый день телеграф приносил Каледину новые мучительные известия. Керенский разбит и бежал. Казачий генерал Краснов под Петроградом арестован казаками, правда тут же и отпущен. В Могилеве мятеж; убит исполняющий обязанности главковерха генерал Духонин. Большевики заключили с немцами перемирие. Корнилов и арестованные вместе с ним генералы бежали из Быхова и из Бердичева из-под стражи. Вскоре они один за другим стали появляться в Новочеркасске. Сюда же массами устремились офицеры, спасающиеся от репрессий красных и ненависти солдат. Каледина это не радовало, скорее пугало. События неслись уже с такой скоростью и по такому руслу, что шансов уцелеть в их потоке становилось все меньше. Бывший главковерх Алексеев и быховско-бердичевские беглецы – Корнилов, Деникин, Романовский – занялись формированием своих войск. Это был удар по нему, Каледину. Многие офицеры, казаки, добровольцы, на которых он мог рассчитывать, записывались в армию Алексеева и Корнилова. Впрочем, и в этом деле царил такой же ужасающий хаос, как и во всем остальном. В Донскую армию, как и в Алексеевскую, записывались тысячи, а когда надо было выступать – собирались едва лишь десятки. Рабочие в городах были откровенно за большевиков; крестьяне по большей части тоже; огромная масса казаков держалась выжидательно, но защищать Войсковое правительство с оружием в руках не собиралась.

И всюду, всюду, всюду – злоба и кровь. Миллионноголовое бесформенное чудовище уже хозяйничало везде, напоздало со всех сторон.

Запретить Советы оказалось легче, чем уничтожить. В конце ноября в Ростове-на-Дону большевики и анархисты восстановили Совет и захватили власть при поддержке солдат и при заинтересованном нейтралитете казаков. Верные части, отправленные Калединым, Кор-

ниловым и Алексеевым в Ростов, выбили оттуда большевиков и анархистов. Но великое бедствие стало свершившимся фактом: Гражданская война на Дону началась.

Как и опасался Каледин, формирование Алексеевской (или, как ее стали называть, Добровольческой) армии дало петроградскому правительству большевиков и левых эсеров повод для военного вторжения на Дон. 6 декабря было опубликовано обращение Совета народных комиссаров: «В то время, как представители рабочих, солдатских и крестьянских депутатов ведут переговоры, чтобы обеспечить стране мир, враги народа – помещики и банкиры с их союзниками генералами – предприняли последнюю попытку сорвать дело мира и вырвать власть из рук Советов и землю из рук крестьян и заставить солдат, матросов и казаков истекать кровью за барыши русских и союзных империалистов. Каледин на Дону и Дутов на Урале подняли знамя восстания... Совет народных комиссаров распорядился двинуть необходимые войска против врагов народа. Контрреволюционное восстание будет подавлено. Виновники понесут кару, отвечающую тяжести их преступления»³⁷.

Вооруженные формирования, именуемые красными, более похожие на банды, чем на войсковые части, предводительствуемые какими-то неведомыми личностями – на взгляд Каледина, крикунами и убийцами, – двинулись со стороны Воронежа и Харькова на Ростов и Новочеркасск. Командовать этим полуанархическим «фронтом» был прислан из Петрограда большевик Антонов, по документам Владимир Овсеев (тот самый, выпускник родного Воронежского кадетского корпуса). В ответ на это в Новочеркасске 10 декабря был образован Донской гражданский совет во главе с тремя генералами: Алексеевым, Корниловым, Калединым. Но войск у триумvirата было ничтожно мало. Против красных действовали отряды добровольцев-партизан, которыми управлял не Каледин, не Войсковое правительство и не Гражданский совет, а самочинные предводители, удалыцы-головорезы вроде есаула Чернецова. Про этого Чернецова, совершившего несколько удачных рейдов по тылам красных, тут же пошло гулять что-то такое в стихах: «Но проснулся донской Степан Разин, сын степей есаул Чернецов». Не Каледин, законно избранный войсковой атаман, был хозяином Новочеркаска, а донской Степан Разин – пусть и с погонами на плечах.

И тут же, под боком, в казачьем миру, вдруг появились свои большевики, стали расти свои Советы. 10 января в станице Каменской на Съезде фронтового казачества был образован Донревком – красное правительство Дона. Удальцу Чернецову удалось выбить советских из Каменской и разбить один за другим несколько красных отрядов. Но 21 января в бою у станицы Глубокой Чернецов попал в плен и был зарублен председателем Донревкома Федором Подтелковым.

Красные продвигались к Новочеркаску. Части Добровольческой армии по приказу Корнилова были стянуты к Ростову. Новочеркасск оборонять было некому. Войск у правительства Дона не оставалось.

Та самая пуля

28 января в Новочеркасске было расклеено воззвание войскового атамана: «Время не ждет, опасность близка, и если вам, казаки, дорога самостоятельность нашего управления и устройства, если вы не желаете видеть Новочеркасск в руках пришлых банд большевиков и их казачьих приспешников-изменников, то спешите на поддержку Войсковому правительству посылкой казаков-добровольцев в отряды»³⁸. Ощутимого результата не последовало.

³⁷ Антонов-Овсеев В. А. Записки о Гражданской войне. С. 24.

³⁸ Цит. по: А. А. Данцев. Атаман со свинцом в сердце. Сайт «Казачий стан»: http://www.kazakdona.ru/index.php?nma=catalog&fla=stat&page=1&cat_id=66&nums=66.

29 января Каледин собрал в Атаманском дворце последнее заседание Войскового правительства.

Он выглядел неплохо: не подавленным, скорее бодрым. Обычным своим невыразительным, глуховатым голосом начал говорить. Ровно, с расстановкой, но без пауз.

– Господа, положение донских властей безнадежно. Почти все окружные станицы уже в руках противника. Отношение населения к нам не сочувственно, скорее враждебно. Боевых частей у нас нет. Для защиты Донской области на фронте имеется лишь сто сорок семь штыков. От генерала Корнилова поздно ночью я получил телеграмму. Добровольческая армия, ввиду безнадежности положения на Дону, покидает Ростов и уходит на Кубань.

Тут он сделал наконец паузу. Чуть подождав, так же бесстрастно завершил:

– Таким образом, господа, у нас больше нет сил и сопротивление бесполезно. Я не хочу лишних жертв, лишнего кровопролития, предлагаю сложить свои полномочия и передать власть городскому самоуправлению. Пусть оно само выйдет на переговоры с большевиками и предотвратит кровопролитие.

На том и порешили: собраться через два часа в здании городской управы и официально передать ей несуществующую власть. Разошлись. Каледин вызвал начальника походного штаба, продиктовал ему приказ: «Объявляю, что каждый партизан, каждый отдельный партизанский отряд может считать себя свободным и может поступать с собой по своему усмотрению... Я открываю фронт с единственной целью – не подвергать город всем ужасам гражданской войны». На часах было что-то около двух.

Каледин неспешно вышел из кабинета. Как будто без цели прошелся по комнатам второго этажа дворца. У двери комнаты, отведенной его брату, генерал-майору Василию Каледину, немного помедлил. Там никого не было, это он знал. Открыл дверь и тихо затворил ее за собой.

Через несколько минут из-за этой двери раздался выстрел.

P. S

Факт самоубийства генерала Каледина ни тогда, ни много десятилетий спустя не вызывал сомнений. Сразу после выстрела в комнату вбежали несколько человек: денщик, жена Мария Петровна Каледина, заместитель атамана Митрофан Богаевский, затем и другие. Обстановка вокруг умирающего атамана и положение его тела были подробно описаны; пуля найдена и сохранена Богаевским. Была обнаружена и предсмертная записка Каледина, адресованная генералу Алексееву. Казалось бы, сомнений в обстоятельствах гибели Каледина быть не может.

В наше время историк Вячеслав Родионов выдвинул альтернативную версию: Каледин был убит. Эта версия подробно им обосновывается в книге «Тихий Дон атамана Каледина». Действительно, в источниках, на которые опирается традиционная версия гибели войскового атамана, содержатся противоречия, неувязки, странности. Некоторые аргументы, приводимые Родионовым, заставляют задуматься. Впрочем, теперь, по прошествии почти столетия, установить истину с абсолютной достоверностью невозможно.

Во всяком случае, мотивы для самоубийства у Каледина были. Он оказался в трагическом тупике. По складу личности он не мог признать власть большевиков, и уж тем более – перейти в их лагерь. Нарождающаяся атаманина явленная в образе Чернецова, ему претила. Для продолжения борьбы в рядах белых у него не было ни сил, ни желания. Он видел, что борьба эта бесперспективна, потому что люди, массы не сочувствуют ей. Многие говорят и о том, что еще в первый год мировой войны Каледин испытал глубокий душевный надлом, да и ранение не прошло без последствий для его здоровья.

Деваться ему было некуда. Спрятаться от пули негде.

И пуля нашла его.

Брусилов

В то самое время, когда Каледин в Атаманском дворце в Новочеркасске навсегда затворил за собой двери в братнину комнату, далеко на севере, в Москве, в тихом и чистом покое лечебницы Руднева в Серебряном переулке, Брусилова терзали неутолимые боли, телесные и душевные. Три месяца назад, во время октябрьских московских боев, когда большевизированные солдаты вели артиллерийский огонь с Воробьевых гор по зданию штаба Московского военного округа, снаряд ударил в дом № 4 по Мансуровскому переулку, где жил Брусилов. Осколками его ранило в ногу. Ранение оказалось нелегким, мучительным. И еще больнее сознание того, что все это нелепо, что удар получил от своих же солдатусек и что теперь он не победоносный вождь боевых дружин на поле брани, а отставной генерал, раненный революцией.

А ведь, пожалуй, Брусилов должен был благодарить этот шальной осколок: вполне возможно, что он продлил генеральскую жизнь лет на девять. Из-за ранения Брусилов полгода пролежал в постели – и потому не был унесен первыми, самыми враждебными вихрями Гражданской войны. Не был брошен на солдатские штыки, как Духонин; не погиб от случайного снаряда, как Корнилов; не был зарублен красноармейскими шашками, как Рузский; не вогнал себе пулю в сердце, как Каледин. А умер в преклонные семьдесят три года; до самой смерти состоял на военной службе – в Рабоче-крестьянской Красной армии – и был похоронен со всеми подобающими воинскими почестями.

Кавалерист, любимец счастья

Брусилов всегда стоял на служебной лестнице ступенью или двумя выше Каледина. Так пошло от самого рождения. Каледин – сын полковника; Брусилов – сын генерал-лейтенанта. Каледин – из казаков, лишь недавно выслуживших дворянство; Брусилов – из старинной дворянской семьи. Каледин учился в хорошей воронежской военной гимназии и в превосходных юнкерских училищах Петербурга. Брусилов окончил сверхпривилегированный Пажеский корпус. Статус пажа (как называли себя выпускники этого военно-придворного учебного заведения независимо от возраста и чина) означал прикосновенность к придворному обществу и широкий круг знакомств среди высшей военной элиты.

О семье, в которой родился и рос Каледин, мы ровным счетом ничего не знаем. Вокруг семейства Брусиловых заметен ореол романтических преданий. Красавица-полька Мария-Луиза Нестоемска страстно полюбила старого воина, ветерана Бородинского сражения Алексея Брусилова, который был старше ее почти на сорок лет, и вышла за него замуж вопреки воле родителей. От этого брака 19 августа 1853 года в Тифлисе родился сын, нареченный по отцу – Алексеем. Старый генерал умер, когда первенцу было шесть лет. Мать не перенесла смерти мужа, захворала от горя и вскоре тоже умерла. Трех сыновей взяли на воспитание родственники по материнской линии, Карл и Генриетта Гагемейстер – семейство родовитое, имевшее связи при дворе. Отсюда – путь в Пажеский корпус. В 1867 году юный Алексей Брусилов был принят в этот питомник военно-служилой аристократии, пять лет провел в бывшем Воронцовском дворце на Садовой улице в Петербурге, и в 1872 году был выпущен прапорщиком в 15-й Тверской драгунский полк.

Будучи старше Каледина на восемь лет, Брусилов успел в молодые годы понюхать настоящего боевого пороха. В 1877-м – начале 1878 года он вместе с полком участвовал в Русско-турецкой войне, в военных действиях на Закавказском театре, вокруг ключевой крепости Карс. Войну закончил в чине штабс-капитана. Скучная в мирное время служба на Кавказе его не манила. Через три года капитан Брусилов был направлен в Офицерскую кав-

лерийскую школу в Петербург, да там, на берегах Невы, и остался. Этот поворот в его биографии совершился в 1882 году – в то же самое время, когда сотник Каледин из имперской столицы отправился на службу в далекое Забайкалье. Еще через год Брусилов был зачислен ротмистром в гвардейский конно-гренадерский полк с оставлением его в составе Офицерской кавалерийской школы. Здесь прослужил 23 года, поднявшись от адъютанта до начальника школы, выслужил погоны полковника, генерал-майора.

В мирное время продвижение по службе – дело рутинное. Мерный подъем по ступеням. Когда в 1907 году Каледин получил долгожданные две генерал-майорские звездочки, Брусилов уже несколько месяцев носил свеженькие три звездочки генерал-лейтенанта. Когда в 1910 году Алексей Максимович принял бригаду, Алексей Алексеевич, прокомандовав три года блестящей 2-й гвардейской кавалерийской дивизией, уже поднялся до командира корпуса. Когда Алексей Максимович дослужился до генерал-лейтенанта, Алексей Алексеевич год как пребывал в чине генерала от кавалерии. В одном паж уступал казаку – в военном образовании. В Академии он, в отличие от Каледина, не обучался и к Генеральному штабу причислен не был.

Всякая государственная служебная система полна внутренних антагонизмов. Армейские не любят гвардейских, милиционеры – прокуроров, полицейские – жандармов, строевые – штабных. В дореволюционной русской армии существовал известный антагонизм между офицерами Генерального штаба и прочими армейскими строевыми. Поясним: быть офицером Генерального штаба вовсе не значило служить именно в нем. Это звание присваивалось тем офицерам, которые окончили Николаевскую академию Генерального штаба по первому и второму разрядам. Офицеры Генштаба склонны были свысока поглядывать на обыкновенных строевых сослуживцев, считая их неучами. Строевые недолюбливали генштабовских как карьеристов и всезнаек.

Сам Брусилов впоследствии писал об офицерах Генерального штаба: «...В их среде находился некоторый, к счастью небольшой, процент людей ограниченных, даже тупых, но с большим самомнением. Впрочем, самомнением страдала значительная часть чинов этого корпуса, в особенности молодежь, которая льстила себя убеждением, что достаточно окончить 2,5-годичное обучение в академии, чтобы сделаться светилом военного дела, и считала, что только из их среды могут выходить хорошие полководцы. <...> Они не задерживались ни на каком месте – ни на штабном, ни на строевом, а потому трудно было им входить основательно в круг своих обязанностей и приносить ту пользу, которую они могли и должны были принести. Такое перелетание с места на место также озлобляло армию, которая называла их белой костью, а себя – черною»³⁹.

Можно себе представить, что подумали друг о друге генералы Брусилов и Каледин, когда встретились в Виннице, в штабе XII корпуса, в августе 1913 года, почти ровно за год до начала войны. В глазах Каледина Брусилов был баловень счастья, гвардейский франт со связями, да притом крикун-кавалерист, берейтор, без систематического военного образования. Брусилов видел в Каледине ученого штабного делопроизводителя с карьерными замашками генштабиста.

Надо сказать, что по свойствам характеров и чертам внешности они являли собой полярные противоположности. Рядом с массивной, плотной фигурой Каледина особенно бросалась в глаза молодцеватая подтянутость, худощавая легкость, подвижность Брусилова. На фоне хмурой задумчивости Каледина ярко блистала светская живость, стремительность мысли Брусилова. И поток его остроумных речей особенно выразительно звучал в обществе калединской молчаливости. Не потому ли они прошли Первую мировую войну в неразрывной сцепке, что являли собой взаимодополняющее противоречие?

³⁹ Брусилов А. А. Воспоминания. С. 72–73; 05.html.

Вот характеристики, которые дают Брусилову генералы и офицеры Первой мировой, воевавшие (все, кроме одного – Оберучева) под его командованием. Учтем, правда, что военные относятся друг к другу с искренней симпатией тем реже, чем выше они в чинах.

Андрей Евгеньевич Снесарев, в 1916 году генерал-майор, начальник штаба 12-й пехотной дивизии (запись во фронтовом дневнике):

«Брусилов – человек настроения. Во время отступления бежал и нельзя было остановить, впал в панику (Трусиллов), только и было по телеграфу делов, что с ним. Хотели офицеры Генерального штаба его арестовать и приволочить во фронт. Пролом весною 1916 г[ода] не его мысль, это сделали 7-я и особенно 9-я армии, предоставленные совершенно своим силам. Брусилов ломил на Ковель, уложил гвардию, видя успех на юге, не поддерживал его, продолжая долбить все туда же, пока не стали у него отбирать корпуса. „Даже ребенку было ясно, где главный удар... дай он туда два корпуса, и теперь мы были бы на Сане; обход слева заставил бы немцев бросить и Львов, и Ковель, и прочее“. Человек настроения... один день вопит, что не может держаться, а на другой день: „Всеми силами перехожу в наступление; предо мною что? Ведь сволочь!“»⁴⁰

Генерал-лейтенант В. И. Соколов, комдив-14:

«...Смелого полета стратегической мысли, дара быстро схватывать стратегическую обстановку, сделать дальнейшую оценку и на основании этого создавать смелые и целесообразные решения – у Брусилова не было, но тогда что же сделало его в минувшую войну почти народным героем? По моему скромному разумению, прежде всего военное счастье, которое в высокой мере сопровождало Брусилова. <...> Счастье, несомненное счастье сопровождало Брусилова. Счастье в том, что он начал войну с исключительно доблестным VIII корпусом⁴¹, продолжал с такой же доблестной 8-й армией; счастье в том, что ему пришлось выполнить грандиозную демонстрацию у Луцка, где в неодолимых, по-видимому, укрепленных линиях стояли против него австрийцы, а не германцы; Луцкий успех настолько превзошел все ожидания, что, к несчастью нашему, вылился в так называемое Брусиловское наступление... <...>

Уменья, по крайней мере личного, у Брусилова не было. Вместо него было упрямство... <...>

Обладая в то же время природным умом и выработанными продолжительной службой в гвардейской кавалерии тактом, Брусилов знал, что обаяние начальника в гораздо большей степени поддерживается начальнической щедростью, т. е. поощрением достойных, нежели строгостью, одинаково страшной для достойных и недостойных. Поэтому Брусилов щедрою рукой осыпал наградами отличившиеся части, особенно во время личных посещений... В войсках знали, что приезд Брусилова сопряжен с широкой раздачей наград и поэтому ждали его с радостью и без страха; создавалась таким путем популярность в войсках»⁴².

Евгений Эдуардович Месснер, к концу Первой мировой войны штабс-капитан, участник Брусиловского прорыва:

«В 8-й армии не любили Брусилова. В 1914 г. он гнал свои корпуса, дивизии вперед, не жалея сил людей, не разрешая дневок для отдыха, не считаясь с тем, что обозы отстали и

⁴⁰ Фронтовые дневники генерала А. Е. Снесарева // Военно-исторический журнал. 2003. № 11. С. 56.

⁴¹ VIII армейский корпус был включен в состав 8-й армии в самом начале войны; непосредственно этим корпусом Брусилов не командовал.

⁴² Соколов В. И. Заметки...

солдаты остаются без хлеба и мяса. А в 1915 г., когда войска его армии были уже у предела сил человеческих и на грани полного их уничтожения мощной артиллерией Макензена, он отдает приказ: „Пора остановить и посчитаться с врагом как следует и совершенно забыть жалкие слова о превосходстве врага и об отсутствии у нас снарядов“. Мы вознегодовали: „посчитаться как следует“ было равносильно требованию самоубийства армии – настолько силы врага превосходили наши; а отсутствие артиллерийских снарядов – это не „жалкие слова“, а трагично-жалкий факт, и отрицать его значило издеваться над войсками, принужденными без выстрела – нечем было стрелять пехоте и артиллерии – ждать под барабанным вражеским огнем момента, когда можно будет этому врагу показать, что значит „русский штык удалый“.

Такие приказы не способствовали популярности Брусилова в войсках, но они были полезны для самого Брусилова: в высших сферах восхищались полководческой волей этого генерала и выдвинули его в главнокомандующие и (при Временном правительстве) в Верховного. <...>

Будучи офицером волевым и энергичным, Брусилов умел заражать своей энергией подчиненных – свойство очень ценное в полководце... В оперативной логике он не был силен, потому что, ставши генералом от кавалерии, остался корнетом, которому дорог лозунг конницы: „Скачи, лети стрелой“. <...>

Заканчивая на этом словесный портрет Брусилова, видим, что он как человек – неуживчив, обидчив, мнителен к интригам, не объективен. Как офицер был карьеристом, позером, плохим товарищем (заслуги – себе, промахи – другим), обладал твердой волей для отстаивания своего мнения и для жертвования в бою солдатами... Но он был любимцем военного счастья, а потому был победителем»⁴³.

Константин Оберучев:

«Бодрый, седой, суховатый на вид старик, небольшого роста и с полным энергии лицом, генерал Брусилов производил двойственное впечатление. Деланая суровость во взгляде и неподдельная доброта, сквозившая в то же время в его глазах, ясно показывали, что напрасно он старается напустить на себя суровость. Он не может скрыть доброты, таящейся в тайниках его души»⁴⁴.

От себя добавим: возможно, Брусилов и был любимцем счастья, но оно, счастье, обошло его в одном отношении. Первая жена Брусилова рано умерла, оставив ему единственного сына, тоже названного Алексеем. И этот единственный сын погиб при не вполне ясных обстоятельствах во время Гражданской войны. Тут судьбы Брусилова и Каледина сходятся.

Гримасы военной фортуны

Нет, конечно, «Трусиловым» он не был. Но полководческой славы хотел. Отчасти этим объясняется быстрота отступления, о которой говорит Снесарев⁴⁵: во что бы то ни стало увести свои войска от разгрома, даже если это идет во вред фронту в целом. Ведь о командире, который потеряет войска, прикрывая отход соседей стойкой обороной, будут говорить: «Он был разбит». А о том, который вовремя удерет, скажут: «Он отступил, но сохранил свои

⁴³ Месснер Е. Э. Луцкий прорыв: К 50-летию Великой победы. Нью-Йорк, 1968. Цит. по: сайт «Русская императорская армия»: <http://www.regiment.ru/Lib/A/14/2.htm>.

⁴⁴ Оберучев К. М. В дни революции...

⁴⁵ Об этом же эпизоде – отступлении 8-й армии в декабре 1914 г. – упоминает и А. И. Деникин, объясняя его «психологическим надрывом» Брусилова: Деникин А. И. Очерки русской смуты. Ч. 1. Гл. 2; сайт «Военная литература». http://militera.lib.ru/memo/russian/denikin_ai2/1_02.html.

силы». Эта же усердная забота о своей полководческой репутации была, очевидно, одной из главных причин упрямого долбления в одну точку, невзирая на колоссальные потери, на что намекает Соколов, когда говорит о «несчастном» брусилловском наступлении. Тут было стремление любой ценой добиться впечатляющей победы, а знания, как это сделать, – не было.

К началу Первой мировой войны все действующие генералы русской армии разделялись на две группы. Первая – те, которые имели опыт командования крупными войсковыми соединениями в Русско-японской войне; то есть имели только опыт поражений. Вторая – те, кто вообще не имел полководческого опыта; многие из них, как Брусиллов, давным-давно, будучи младшими офицерами, участвовали в Русско-турецкой войне, а иные, как Каледин, вообще не бывали никогда в настоящем бою. Первые, битые, склонны были проявлять чрезмерную осторожность, действовали пассивно, зачастую боялись развивать даже явно наметившийся успех. Представители второй группы были амбициозны, жаждали славы, но совершенно не представляли себе условий той войны, в которую вступила Россия в августе 1914 года. Более того, не имея сплошь и рядом достаточной военно-теоретической подготовки, не смогли научиться искусству ведения современной войны и на собственном двухлетнем опыте. На поле боя они вынуждены были добиваться своих целей не умением, а числом. Огромные потери при этом неизбежны.

Брусиллов был ярким представителем второй группы.

Славы он хотел. И ведь в начале войны ему улыбнулось военное счастье. После блестяще выигранного сражения на Гнилой Липе его 8-я армия устремилась на Львов. Правда, впечатляющий успех, высоко вознесенный газетчиками, был достигнут благодаря двукратному превосходству в силах. Австро-Венгерское командование допустило ошибку: не разглядело сосредоточение крупной группировки русских войск в районе Проскурова. Свои главные силы австрийцы бросили на Томашов⁴⁶, против 5-й армии генерала Плеве, с целью прорыва на Люблин и Холм. На Гнилой Липе удару двух наиболее мощных армий Юго-Западного фронта – 3-й и 8-й – противостоял сравнительно малосильный заслон австро-венгерских войск.

Со взятием Львова вообще приключилась история забавная и поучительная.

Командование Юго-Западного фронта и командующие армиями были уверены, что брать Львов придется с тяжелого боя, что на подступах к нему противник будет драться отчаянно на хорошо подготовленных позициях. Эта уверенность основывалась на преувеличенном представлении о численности и силе австро-венгерских войск в районе Львова. Между тем австро-венгерское командование, убедившись в том, что со стороны Проскурова в наступление перешли главные силы Юго-Западного фронта, испугалось за судьбу своей ударной группировки на Люблинско-Холмском направлении, оказавшейся под угрозой флангового обхода. И приняло решение: отойти правым флангом за Днестр и Верещицу, Львов же оставить без боя.

Об этом, естественно, не знали командующие армиями, наступавшими на Львов, – Брусиллов и Рузский. И тому и другому ужасно хотелось овладеть городом. Вот это была бы победа! Не какая-то там Гнилая Липа – древний Львов, столица Галиции! Обстановка подстегивала: на фоне далеко не блестящего начала войны, тяжелого положения Плеве под Томашовом и уже явно совершившегося разгрома 2-й армии Самсонова в Восточной Пруссии взятие Львова выглядело бы особенно эффектно. Награда за такую победу обещала быть великой. И оба командарма, буквально отталкивая друг друга локтями, устремились на Львов. Тщетно командующий Юго-Западным фронтом (на тогдашнем военном жаргоне – главкоюз) Иванов посылал Рузскому директивы, перенаправлявшие 3-ю армию к северу, на

⁴⁶ Совр. Томашув-Любельский.

поддержку Плеве. Дипломат и хитрец Рузский под разными предлогами не выполнил установки главнокомандующего. Его войска подошли к Львову с востока в то же самое время, когда правобережные части 8-й армии приближались к городу с юга.

Между тем 20 августа два полковника штаба 8-й армии, Гейден и Яхонтов, проезжая в автомобиле по дороге в направлении расположения 3-й армии, встретили толпу мирных жителей, беженцев, бредущих со своим скарбом со стороны Львова, подальше от боевых действий. Полковники поинтересовались, как обстановка в городе и много ли там австрийских войск. И получили в ответ:

– Нема никого, вси утикли.

Эти «разведданные» к вечеру подтвердила авиаразведка: массы австрийских войск двигаются к востоку от Львова. Город пуст. 22 августа он был занят частями 3-й армии. Рузский опередил-таки Брусилова.

В приказе Верховного главнокомандующего честь взятия Львова была полностью приписана 3-й армии. Армии Брусилова в утешение была объявлена благодарность за взятие маленького Галича. Рузский, имевший уже боевые награды за Русско-японскую войну, получил Георгия сразу 4-й и 3-й степени и тут же прошел на повышение: был назначен главнокомандующим Северо-Западным фронтом вместо Жилинского, уволенного за восточно-пруссский разгром. Брусилов, боевых наград не имевший, должен был довольствоваться Георгием 4-й степени.

Эту несправедливость он не забудет до самой смерти. В воспоминаниях, написанных в 1924 году, он признается, что не может вспомнить о ней без душевной боли. Там же он будет утверждать, что первыми во Львов ворвались доблестные кавалеристы 12-й кавдивизии Каледина – то есть все-таки бойцы 8-й армии. Даже если это и так (доказательств, впрочем, нет), никакого военного значения этот факт не имеет. Удар двух армий пришелся по пустому месту.

История эта раскрывает три тайных порока русской армии в Первой мировой войне. Указывает на чрезвычайную слабость разведывательной работы: перемещения огромных масс войск противника разведка замечает тогда, когда о них уже знают мирные жители по эту сторону линии фронта. И ярко рисует обстановку ревнивого генеральского соперничества: ради почестей и славы приносится в жертву военной целесообразности. И являет пример отсутствия единого и твердого руководства со стороны высшего командования – фронта и Ставки, указания которых можно попросту игнорировать. На протяжении всей войны эти болезни русской армии так и не были излечены.

После неудачной попытки контрудара на Львов и шестидневного сражения у Городка на реке Верещице надломленные австро-венгерские войска начали откатываться на запад, к Висле и карпатским перевалам. В тылу русских армий, в кольце окружения осталась первоклассная австро-венгерская крепость Перемышль⁴⁷ – то ли досадная заноза, то ли вождь-деленный приз наиболее удачливому из военачальников. В том, что Перемышль будет скоро взят, никто не сомневался. Но первая попытка овладения им потерпела неудачу. Потом блокаду крепости пришлось временно снять из-за варшавско-ивангородского наступления австрийских и германских войск. Наступление завершилось откатом на исходные позиции, и в октябре русские снова приступили к осаде Перемышля. И вот военная фортуна еще раз поворачивается лицом к Брусилову: он назначен командующим группой из трех армий в составе Юго-Западного фронта с оставлением в должности командарма-8. Задача группировки: силами одной армии осуществлять блокаду и взятие Перемышля, в то время как две другие будут обеспечивать эту операцию со стороны австро-венгерского фронта. Каза-

⁴⁷ Совр. Пшемисль, Польша.

лось, лавры победителя Брусилову обеспечены. И Перемышль – крепость ключевая, название громкозвучное – достойная компенсации за Львов.

Капризно военное счастье! Взять Перемышль не удалось ни в октябре, ни в ноябре. В декабре с немалым трудом пришлось отражать новый австро-германский натиск. Резиновая война затягивалась. Слава не давалась в руки. Потери росли.

Вот это было самое страшное – потери. И даже не количество убитых, раненых, пропавших без вести тревожило командующего 8-й армией. На его глазах армия перерождалась качественно. В осенних и зимних боях был выбит офицерский состав. Новые поручики и прапорщики, приходившие на место прежних, в глазах гвардейца-конногренадера и офицерами-то не были. Вчерашние унтера или, того хуже, штатские, наскоро пропущенные через ускоренные офицерские курсы, – что они знали, что умели, на кого были похожи? Ничего общего со старым, довоенным офицерством. Собственно, они ничем не отличались от солдат, разве что большей исполнительностью, ретивостью, что, конечно, можно им поставить в заслугу. Но зато и солдатики из прибывающих команд представляли собой уже совсем не тот материал, что в начале войны. Среди них все больше было слабосильных, нездоровых, таких, каких еще год назад никто бы и близко не подпустил к военной службе. Обучены они были из рук вон плохо, порой вовсе необучены. Чем только занимаются там, в учебных командах в тылу? Бывает, что половина солдат в прибывшей команде не умеет заряжать винтовку. Что еще хуже, эти новобранцы совсем не хотят воевать, и многие из них на все готовы, только бы уклониться от боя.

Тревожно, тревожно все это.

Тревожился не один Брусилов. К весне 1915 года беспокойная неуверенность в будущем охватывала души все большего количества генералов. А они еще не знали главного. И хорошо, что не знали. А то многим бы не осталось другого выхода, как пустить себе пулю в сердце или в висок.

Военные запасы России близки к исчерпанию.

На тыловых складах нет снарядов, винтовок, патронов, шинелей, сапог. Неизвестно, когда будет налажено производство всей этой продукции. На действующую армию скоро будет накинута страшная удавка – кризис снабжения. Катастрофа неизбежна.

Перемышль все-таки сдался – 9 марта. Брусилов провел государя императора Николая Александровича по фортам захваченной крепости. И вскоре был пожалован генерал-адъютантским чином (чин высший, но двусмысленный: то ли генерал, то ли адъютант...). Но этот успех уже не грел сердце. Чувствовалось, что впереди большие испытания.

Главкоюз

Удар был нанесен противником в двадцатых числах апреля. Брусилову повезло: его армия оказалась в стороне от главных и грозных событий. Под германский каток попала 3-я армия, та самая, которая отобрала у Брусилова славу львовского взятия; ею после Рузского командовал болгарин Радко-Дмитриев. Но прорыв немцев и австрийцев в районе Горлице поставил под угрозу окружения части 8-й армии, сильно растянутые вдоль Карпат. Пришлось отступать. К началу мая отошли за реку Сан; в мае был сдан Перемышль, в июне – Львов. Потом, из-за поражений на Северо-Западном фронте, пришлось отступать еще дальше на восток, за Буг, за Стырь. К осени положение на всем Юго-Западном фронте стабилизировалось.

Отступление было бедственным. Армии оказались безоружны. У артиллерии не было снарядов. Потери росли изо дня в день с пугающей быстротой. Впрочем, все это многократно описано в книгах и показано в фильмах. Но у эпопеи «великого отступления» была еще одна сюжетная линия – кадровая. Тяжелые поражения привели к перестановкам в выс-

шем командовании. Великий князь Николай Николаевич был отправлен наместником на Кавказ, смещен его начальник штаба (наштаверх) Янушкевич – и тоже услан на Кавказ, подальше от реальных дел. Отстранение главкоюза Иванова было только вопросом времени – особенно после провальной неудачи наступления Юго-Западного фронта в конце 1915 года. Образован был новый, Северный фронт, – стало быть, появились новые высокие посты. На лестнице чинов и должностей пошло активное движение.

17 марта 1916 года Верховный главнокомандующий государь император Николай Александрович подписал приказ о назначении генерал-адъютанта Брусилова главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта.

Все-таки отчасти правы те, кто называет Брусилова любимцем счастья. Он стал во главе фронта не потому, что одержал выдающиеся победы, а лишь потому, что избежал крупных поражений. Избежал же он их не благодаря талантливым стратегическим решениям, а в силу того, что его армия оказалась в стороне от направления главного удара неприятеля. Конечно, как командующий армией он оказался на высоте; неплохо себя проявил в трудных условиях военных действий в Карпатах и во время боевого отступления под натиском прекрасно вооруженного и оснащенного противника. Но все же главный мотив его назначения сводился к тому, что его имя не связывалось в сознании офицеров и солдат с провалами и потерями, не наводило уныния, не создавало ощущения безнадежности. И внешний облик, и манера поведения выгодно отличали его от других больших военных начальников русской армии. В особенности же от предместника, Николая Иудовича Иванова, топорного, медлительного, обросшего дремучей бородой, – генерала с внешностью отставного унтера. Брусилов, легкий, подвижный, быстрый, щеголяющий прекрасной гвардейско-кавалерийской выправкой, пробуждал бодрость в людях. Такой главнокомандующий был нужен изверившимся в успехе войскам.

Счастье Брусилова проявилось и в том, что командование фронтом он принял после длительного, почти трехмесячного перерыва в боевых действиях. Состояние войск в марте 1916 года было несравненно лучше, чем в декабре 1915-го. Они отдохнули, они получили обученное пополнение. Они наконец-то были вооружены: винтовки, пулеметы, снаряды подвозились вовремя и лежали в запасе на складах. Ощущался недостаток в артиллерии, особенно тяжелой, но все же не в такой катастрофической степени, как полгода назад. Наладилась и работа тыла. К войне стали привыкать, на войну научились работать. В общем, Брусилов принял фронт, состоящий из боеспособных частей и соединений, во главе которых стояли офицеры и генералы, поднабравшиеся боевого опыта. Конечно, это была не прежняя, довоенная, вышколенная армия. Старые кадровики глядели на нее с опасливым недовольством: ополчение, вооруженный народ, милиционная армия. Но зато она была куда лучше приспособлена к современной войне. Многому научилась эта армия, многое знала такого, о чем и не слыхивали два года назад. Как зарываться в землю, как проделывать проходы в колючей проволоке, как надевать противогазную маску, как вести огонь по вражеским аэропланам...

1 апреля в Ставке Верховного главнокомандующего в Могилеве состоялось совещание. Кроме самого Верховного, на нем присутствовали: генерал-инспектор артиллерии великий князь Сергей Михайлович, наштаверх Алексеев, генерал-квартирмейстер штаба Ставки Пустовойтенко, военный министр Шуваев, генерал-адъютант Иванов, главкосев Куропаткин, главкозап Эверт, главкоюз Брусилов, начальники штабов фронтов Сиверс, Квецинский, Клембовский. На совещании обсуждался общий план военных действий на германском и австро-венгерском фронте летом 1916 года.

Странное это было совещание.

Главная установка не подлежала сомнению: необходимо наступление, и наступление могучее. Все присутствующие знали, кожей чувствовали: войну надо заканчивать как можно

скорее. Страна не может нести далее великие жертвы. Страна не понимает, зачем эти жертвы нужны. Народ страны прошел военную школу и держит в руках семь миллионов винтовок. Эти винтовки могут повернуться против них, командующих, если они не завершат войну победой. Лучше всех это знал Верховный главнокомандующий. Поэтому сомнений быть не могло: летнее наступление должно обеспечить коренной перелом в ходе всей войны.

Докладывал Алексеев.

– Итак, учитывая степень готовности наших союзников и имея в виду упредить противника, надо готовиться к наступлению в конце мая, – журчала негромкая, бесстрастно-убедительная речь начальника штаба Верховного главнокомандующего. – Наиболее целесообразным, учитывая пожелания союзников, следует признать нанесение главного удара силами Западного фронта одновременно со стороны Молодечно и Двинска на Ошмяны и Вильну... Северный фронт должен содействовать наступлению Западного фронта, нанося удар четырьмя корпусами из района Риги на Митаву... Юго-Западный фронт готовится к производству атаки из района Ровно ко времени развития наступления севернее Полесья...

Все знали, что содержание доклада еще накануне согласовано с государем и, стало быть, решение предопределено. После Алексеева должны были высказаться главкомы по старшинству чинопроизводства. Первым поднялся с места генерал-адъютант Куропаткин.

– Ваше императорское величество! Господа! – произнес он хорошо поставленным, приятно-вкрадчивым голосом. – По моему мнению, сил Северного фронта к исходу мая будет недостаточно для осуществления той задачи, которую предлагает нам господин начальник штаба вашего императорского величества. Имеющимися в моем распоряжении силами и средствами прорвать фронт немецких войск совершенно невероятно, ибо их укрепленные полосы настолько развиты и сильно укреплены, что трудно предположить удачу...

Проговорив еще несколько минут о причинах провала декабрьского наступления на Нарочи, Куропаткин умолк и с верноподданным вниманием направил взор на погоны Верховного.

– Благодарю вас, Алексей Николаевич, – произнес государь. По его лицу невозможно было понять, удивлен ли он речью Куропаткина, доволен ли, сердится ли. Кивком он разрешил генерал-адъютанту сесть. – Что скажет нам главнокомандующий Западным фронтом?

Встал мрачный темнобородый Эверт:

– Ваше императорское величество! Господа...

Речь главкозапа сводилась к тому, что выполнить любой приказ он готов, но фронт наступать не может. Упомянул он о самом больном:

– Неудача произведет тяжелое впечатление не только на войска, но и на всю Россию... При недостаточном материальном обеспечении войск задача, на них возложенная, не может быть выполнена...

Император вновь кивнул. Эверт поклонился и сел, угрюмо насупившись. Очередь дошла до Брусилова.

– Ваше императорское величество! – В волнении он как бы забыл обратиться к другим присутствующим. – По моему мнению, наступление не только необходимо, но имеет все шансы на успех. Войска вверенного вашим императорским величеством мне фронта к наступлению готовы.

Из воспоминаний Брусилова:

«Я заявил, что, несомненно, желательно иметь большее количество тяжелой артиллерии и тяжелых снарядов, необходимо также увеличить количество воздушных аппаратов, выключив устаревшие, износившиеся. Но и при настоящем положении дел в нашей армии я твердо убежден, мы можем наступать. Не берусь говорить о других фронтах, ибо их не знаю, но Юго-Западный фронт, по моему убеждению, не только может, но и должен наступать, и

полагаю, что у нас есть все шансы для успеха, в котором я лично убежден. На этом основании я не вижу причин стоять мне на месте и смотреть, как мои товарищи будут драться. Я считаю, что недостаток, которым мы страдали до сих пор, заключается в том, что мы не наваливаемся на врага сразу всеми фронтами, дабы лишить противника возможности пользоваться выгодами действий по внутренним операционным линиям, и потому, будучи значительно слабее нас количеством войск, он, пользуясь своей развитой сетью железных дорог, перебрасывает свои войска в то или иное место по желанию. В результате всегда оказывается, что на участке, который атакуется, он в назначенное время всегда сильнее нас и в техническом, и в количественном отношении. Поэтому я настоятельно прошу разрешения и моим фронтом наступательно действовать одновременно с моими соседями; если бы, паче чаяния, я даже и не имел никакого успеха, то, по меньшей мере, не только задержал бы войска противника, но и привлек бы часть его резервов на себя и этим существенным образом облегчил бы задачу Эверта и Куропаткина»⁴⁸.

Выступление только что назначенного главнокомандующего произвело впечатление. Алексеев улыбался в усы; Куропаткин закивал головой; даже на мрачном лице Эверта появились пятна света. Только государь знал, что смелая атака Брусилова опиралась на заранее подготовленные позиции. Несколько дней назад, в Каменец-Подольске, при высочайшем посещении войск Юзфронта, Брусилов уже докладывал ему об этом же и этими же словами.

Государь прекрасно понимал их всех, понимал и Брусилова. Куропаткин не хочет рисковать: после несчастной Японской войны, после нелепого мукденского разгрома, он впервые получил высокую командную должность; удержаться на своем месте любой ценой – вот его главная задача. Эверт всегда шел вослед Куропаткину или кому-нибудь еще, когда Куропаткина не было поблизости; сам никогда ничем не командовал, ничего не решал и ответственности нести не хотел. А вот Брусилов – честолюбив. Ему нужна слава, а следовательно, победа в наступлении. Боевитый Брусилов – хороший противовес опытному интригану Куропаткину. Да, надо его поддержать.

Государь не кивнул, а слегка наклонил голову в сторону Брусилова и милостиво улыбнулся:

– Что ж, Алексей Алексеевич, я весьма рад слышать от вас слова о готовности фронта к наступлению, сказанные с такой уверенностью и с таким знанием дела. Господа! – добавил он, вставая. – Перерыв. Прошу к завтраку.

Прорыв...

Решение было принято. Главный удар по-прежнему предполагался на Западном фронте, на Виленском направлении. Но начинать общее наступление должен был фронт Брусилова в первых числах июня. Удар этот планировался как отвлекающий. Однако все понимали: сила австро-венгерских войск, противостоящих Юзфронту, совсем не та, что у германцев. Шансов на успех у Брусилова куда больше, чем у Эверта.

Собственно говоря, у Эверта и у Куропаткина шансов на успех не было никаких по одной простой причине: ни тот ни другой не хотели наступать. Оба боялись поражения и не знали, что делать в случае успеха. Видя это, Верховный должен был бы немедленно отстранить их от командования, заменить другими, подобными Брусилову... Но он, самодержец и хозяин земли Русской, не мог этого сделать, потому что зависел от многих людей, сообществ, традиций и взаимоотношений, был опутан множеством нитей, натянутых вокруг него как тонкая, почти невидимая, но прочнейшая паутина. Он зависел от союзных прави-

⁴⁸ Брусилов А. А. Воспоминания. С. 210–211; 12.html.

тельств, зарубежных финансовых кругов, от собственной родни, от министров, от этих вот генерал-адъютантов, которые так преданно, так умильно смотрят ему в лицо и которые за его спиной ведут свои хитроумные игры.

Высший генералитет русской армии представлял собой тесный и единый круг. Как бы ни ненавидели порой эти люди друг друга и как бы ни интриговали между собой, решительное вмешательство императора в их карьерные расчеты грозило сплочением их всех против него одного. А за этим в условиях войны следовала неминуемая гибель монархии. Николай II не был нерешительным человеком – он принужден был быть нерешительным. Он должен был выжидать, лавировать, терпеть, выказывать милость...

Характерен пример с увольнением генерала Иванова с поста главнокомандующего Юго-Западным фронтом. Наштаверх Алексеев в письме представителю русского командования во Франции Жилюскому так характеризовал деятельность главноюза в декабре 1915 года: «Отсутствие, по-видимому, веры в операцию у ген. Иванова и его индифферентное отношение к разработке; много в сношениях хитрил, а в самый важный период подготовки менял начальника штаба; оттянул без нужды начало операции на четыре дня, утратив всякое подобие внезапности; не давал руководящих указаний для объединения работы армий, ограничиваясь писанием после совершившихся фактов критического обзора»⁴⁹. Даже одного из этих пяти пунктов достаточно для того, чтобы отрешить военачальника от командования, а то, по условиям военного времени, и под суд отдать. Перед нами факт явного саботажа. Между тем Иванов оставался в должности главноюза еще три месяца, а после отстранения, в виде особой милости, был назначен состоять при особе государя императора.

Но и эта почетная отставка насторожила высший генералитет и околоправительственные круги. Странные слухи стали распространяться по армии, по России. Сплетни о Распутине, слухи об изменниках в окружении царя, о придворных шпионах... Они не имеют под собой ни малейшего реального основания, но отравляют сознание миллионов людей в столице, в стране, а теперь уже и на фронте. Где источник этих слухов? Думские болтуны из Прогрессивного блока? Политический интриган Гучков, тесно связанный со многими чинами военного ведомства? Отставленные министры? Обиженные генералы из окружения великого князя Николая Николаевича? Или сам «дядя Николаша», уязвленный отправкой на Кавказ?

К лету 1916 года Николай II чувствовал, что окружен врагами со всех сторон. Он не был и не мог быть настоящим Верховным главнокомандующим, потому что не пользовался поддержкой генералов. Он проводил совещания в Ставке, он выслушивал мнения, противоречившие друг другу, зачастую продиктованные корыстью и амбициями, он скреплял своим словом компромиссные решения, которые потом не выполнялись, он нес всю ответственность за последствия этих решений... И ничего не мог изменить.

Войска Юго-Западного фронта начали усиленно готовиться к предстоящему наступлению. Личный состав неустанно копал траншеи, щели, ходы сообщения, готовил мостки и мешки с землей, учился преодолевать проволочные заграждения. Артиллеристы оборудовали позиции и наблюдательные пункты, пристреливались. Все виды разведки действовали и доставляли сведения в штабы. В штабах кипела работа днем и ночью...

Наступление Юзфронта было намечено на 10 мая; потом его отложили на начало июня; потом пришли известия о разгроме итальянцев австрийцами в Трентино; ради помощи Италии передвинули срок наступления на более раннее время, на две недели. Окончательное решение в виде директивы Ставки было дано 18 мая.

22 мая – началось.

⁴⁹ Цит. по: Ветошиников Л. В. Брусиловский прорыв. Оперативно-стратегический очерк. М., 1940. С. 6.

Евгений Эдуардович Месснер:

«Артиллерийская подготовка атаки – 28 часов методической, прицельной стрельбы – была отлична: проволочные заграждения были сметены (не были в них, как приказано, сделаны проходы, просто они были уничтожены); все важные точки неприятельской позиции разрушены; окопы, убежища обвалены, батареи приведены к молчанию... Пошла работать пехота: первые ее волны накатились на передовой неприятельский окоп и заполнили его, выбивая, добивая уцелевших от канонады врагов; последующие волны, обогнав первые, кинулись вглубь атакуемой позиции...»⁵⁰

Леонид Николаевич Белькович, в 1916 году генерал-лейтенант, командир XLI армейского корпуса:

«Переживания, которые испытывает человек во время боя, есть высшая степень душевных страданий человеческих. Все, что пришлось переживать раньше, – все беды, несчастья, печаль и слезы, пролитые человеком среди юдоли этого мира, покажутся ему такими ничтожными, мелочными в сравнении с тем, что ему приходится переживать вот здесь, в этом окопе, или в узкой щели, вырытой им параллели плацдарма, которая вот-вот может обвалиться от громоподобного взрыва тяжелого снаряда и похоронить его заживо под своей тяжестью... Все эти люди, набитые в окопах и параллелях, знают, что через час-другой, но им неизбежно придется выйти из этих закрытий и стать во весь рост перед противником, который устремит против них всю силу своего огня, и что под этим металлическим дождем придется преодолеть известное расстояние, и ожидание этого момента значительно более ведет к смятению душевному, нежели его переживание...»⁵¹

Месснер:

«Странное было это сражение и страшное. Только мгновеньями были видны с артиллерийских наблюдательных пунктов и с командных пунктов передвижения по земле наших атакующих частей. И это не потому, что их скрывали дым и пыль от тысяч артиллерийских разрывов, а потому, что значительная часть боя взводов, рот, батальонов, полков велась в земле, в траншеях, где смельчаки, пользуясь ручными гранатами, штыками, прикладами (при поддержке бомбометов и минометов), теснили врага шаг за шагом, зигзаг за зигзагом ходов сообщений»⁵².

...и тупик

Главная особенность операции Юго-Западного фронта заключалась в том, что удары одновременно наносились не на одном или двух направлениях, а сразу на четырех. Самая мощная 8-я армия Каледина наступала на Луцк – Ковель; 11-я армия Сахарова на Зборов – Злочев; 9-я армия Лечицкого севернее Черновиц; 7-я армия Щербачева должна была ограничиться тактическим прорывом обороны противника в районе Язловец. С одной стороны, такой разброс сил сбивал противника с толку в определении направления главного удара и ограничивал его возможности маневрировать резервами. Но, с другой стороны, в этих условиях невозможно было создать мощные группировки, обеспечивающие не только прорыв обороны противника, но и быстрое продвижение вглубь его территории. Это было наступление, заранее обреченное на ограниченный успех.

⁵⁰ Месснер Е. Э. Луцкий прорыв...

⁵¹ Белькович Л. Н. Заметки о майском прорыве 1916 года // Военно-исторический сборник. Труды Комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. Вып. 3. М., 1920. С. 68.

⁵² Месснер Е. Э. Луцкий прорыв...

На всем планировании летнего наступления русских войск лежала печать половинчатости, нерешительности и компромисса. Переносились сроки, менялись направления главных ударов, пересматривались стратегические цели. Вначале главный удар Западного фронта планировался в направлении Вильны, потом был перенесен на Барановичи. Время начала этого наступления (по замыслу Ставки – главного) откладывалось трижды. Впоследствии именно задержке с наступлением войск Эверта Брусилов будет приписывать неудачу второго этапа своего наступления на Ковель. Но и сам Брусилов, запланировав в мае двойной удар по Ковелю – со стороны Ровно через Луцк и со стороны Рафаловки вдоль железной дороги Сарны – Ковель, в дальнейшем не настоял на осуществлении этого многообещающего плана.

Кстати, интересно почему?

Смысл двойного удара по Ковелю заключался в следующем. Главные силы противника и наиболее развитые рубежи его обороны располагались вокруг Луцка. Со стороны Рафаловки Ковель был прикрыт лесами и болотами, и здесь сплошной обороны у противника не было. Расстояние от Рафаловки до Ковеля примерно в полтора раза меньше, чем при наступлении через Луцк. Если бы частям IV кавалерийского и XLVI армейского корпусов (группа генерала Гилленшмидта) удалось, обходя очаги обороны австро-венгерских войск, через леса и болота выйти к Ковелю, как это было намечено в плане Брусилова, то вся луцкая группировка оказалась бы под угрозой окружения. Именно такого рода маневры будут через двадцать восемь лет осуществлены советскими войсками в ходе операции «Багратион» и приведут к полному разгрому мощнейшей германской группы армий «Центр». (Заметим в скобках, что танкам Второй мировой войны было отнюдь не легче маневрировать в лесисто-болотистой местности, нежели кавалерии Первой мировой.)

Однако ни 23 мая, как было намечено, ни на следующий день группа Гилленшмидта к осуществлению плана не приступила.

24 мая Брусилов телеграфирует Каледину: «Приказываю во что бы ни стало спешить действиями XLVI армейского и IV кавалерийского корпусов». 25 мая – новая телеграмма с повторением «непреклонного требования» о производстве набеге и с предложением «сменить Гилленшмидта, если он не может выполнить этого». В тот же день – телеграмма от наштаверха Алексева: «Весьма важно, чтобы ген. Гилленшмидт проникся мыслью необходимости во что бы то ни стало использовать свою сильную конницу, не долбя своею пехотою сильно укрепленные участки без артиллерийской подготовки, оставаясь во время этого боя безучастным зрителем». На следующий день Брусилов опять телеграфирует Каледину: «Прошу передать ген. Гилленшмидту мое полное неудовольствие его слабыми действиями и плохую распорядительностью». В ответ – телеграмма Гилленшмидта Каледину от 28 мая: «В виду силы противника и наличия у него тяжелой артиллерии, успех набеге нельзя считать обеспеченным».

Свидетельствует начальник штаба Юго-Западного фронта генерал от инфантерии Владимир Наполеонович Клембовский:

«Передавая эту телеграмму главнокомандующему, ген. Каледин прибавил с своей стороны, что вследствие малых шансов на успех он полагал бы с набегом „повременить“. Идея набеге была совершенно оставлена; неосуществление или неуспех ее можно было заранее предсказать, в виду несочувствия исполнителей, т. е. командарма и в особенности самого ген. Гилленшмидта»⁵³.

⁵³ Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 5. Период с октября 1915 г. по сентябрь 1916 г. Позиционная война и прорыв австрийцев Юго-Западным фронтом / Сост. В. Н. Клембовский. М., 1920. С. 47–48; сайт «Русская армия в Великой войне»; http://www.grwar.ru/library/Strateg_Essay_5/SE_05_04.html.

Итак, пажу и гвардейцу Гилленшмидту не хотелось лезть в болото; Каледин не верил в успех, Брусилов не настоял... В результате две кавалерийские дивизии и одна пехотная простояли без всякого толка неделю, не сходя с места, пока остальные корпуса армии с большими потерями прорывали оборону Луцка с фронта. За это время противник успел перебросить в Ковель несколько германских дивизий и подготовить оборону этого важнейшего коммуникационного узла.

Самое удивительное – это объяснение невыполнения приказа главнокомандующего, которое дает Гилленшмидт: «Успех набега нельзя считать обеспеченным». А когда на войне успех можно считать обеспеченным? Когда враг заранее схвачен, связан и положен на землю? Вновь – прямой саботаж. Никакого наказания за свое бездействие командир IV кавкорпуса не понес: не мог же паж Брусилов обидеть Гилленшмидта – пажа, да еще к тому же генерала свиты его императорского величества...

Успех у Луцка был все же достигнут – и, главное, широко разрекламирован прессой (с которой Брусилов умел дружить – не без помощи своей второй жены, Надежды Владимировны, урожденной Желиховской, причастной к газетно-журнальному делу). Взят сам город Луцк, взяты трофеи и пленные. Но уже к исходу мая стало ясно, что 8-я армия увязла на Ковельском направлении. Крупных резервов, которые можно было бы использовать для развития первоначального успеха Луцкого прорыва, у Брусилова не было. Полнейшая пассивность армий Западного фронта в течение всего мая и половины июня позволила противнику перебрасывать на угрожаемое направление новые и новые дивизии, прежде всего германские, значительно более боеспособные, чем австрийские. Бои на Ковельском направлении приняли затяжной характер.

В начале июня неожиданно определился крупный успех на левом фланге Юзфронта. 9-я армия овладела Черновицами и быстро стала продвигаться к Карпатам, южнее Станиславова. Но и этот успех развить было нечем. В двадцатых числах июня противник и здесь смог организовать ряд контрударов. Продвижение 9-й армии замедлилось и вскоре остановилось.

Наступил «второй этап наступления Юго-Западного фронта». Начала работать страшная мельница, в которой без всякого видимого результата и смысла ежедневно перемалывались тысячи человеческих жизней.

Генерал Соколов:

«...Опьяненный первыми успехами и, главное, огромным количеством пленных, что всегда нам мешало должным образом учитывать степень успеха, Брусилов гнал нас вперед всем фронтом без резервов, без пополнений, результат такого общего фронтального наступления сказался быстро: распыляясь и неся потери с каждым переходом, мы быстро обессилили, и резервам неприятеля легко было обратить наш успех в катастрофу. Если этого не случилось, то только благодаря необычайному подъему духа в войсках, явившегося еще до начала наступления; об этот дух разбились даже подведенные на помощь австрийцам отборные германские войска, но зато успех Брусиловского наступления выразился лишь в незначительном территориальном приобретении, вернее, возвращении полоненных наших земель и занятии Восточной Галиции»⁵⁴.

Конечно, не один Брусилов ответствен за огромные и бесплодные потери, понесенные на втором и последующих этапах летнего наступления. И еще того менее виновен в них Каледин, которого страстно обвиняет тот же генерал Соколов. Кто же виновен? Ставка? Эверт? Союзники? Безынициативные корпусные командиры? Неумелые командиры диви-

⁵⁴ Соколов В. И. Заметки...

зий? Штабные генералы, выслуживающие звездочки ценой человеческих жизней? Выберите ответ по вкусу.

Составить представление о ходе второго этапа Брусиловского прорыва можно на примере одного боя, произошедшего 22 июня – какая примечательная дата! – возле неведомой деревни Живачов на реке Черешне, к югу от Станиславова. Обстоятельства этого боя подробно и по горячим следам зафиксировал в своем дневнике начальник штаба 12-й пехотной дивизии генерал-майор Снесарев.

«23.6.[19]16 г.

Вчера с 4.30 ч. было дело у д. Завачув⁵⁵, кончившееся изничтожением 45-го полка. (Вся дивизия понесла [тяжкие потери]: в 45-м офицеров убито 3, ранено 15, контужено 4 (из 31 в ротах осталось 9); нижних чинов: убито 367, ранено 1458, контужено 46, остал[ось] на поле сражения [не подобранные] 186, [итого] 2057; осталось людей (штыков) 983; <...> Общие потери дивизии за 22.6: офицеров убито 11, ранено 38, нижних чинов (убито, ранено и не подобрано) 4698. Осталось в дивизии 5900 шт[ыков].)

Приказ был хорош, но не выполнен: на [взятие] 304-й [высоты] началось накопление, протолкнуты взводы, но в 9.15 [второй] приказ: атаковать с 10 часов высоту 353. А в [первом] приказе было: останавливаться на рубежах и закрепляться. Результаты: пошли на 304-ю и Безымянную к северу, но пока шли, были искрошены и разбиты ураганным огнем противника (пошли волнами, как учили, а ходить ими можно и должно сейчас же после артиллерийской подготовки с переносом огня дальше). На рубеж вышли изнемогшие, подпер[ли] 3 бат[альона] украинцев: первый – направо, второй – влево, третий – за прав[ым] флангом. Они шли легче, но тоже под огнем. Конечно, люди залегли вокруг Завачува. В 3.30 часа категорический приказ кор[пусного] командира и нач[альника] дивизии (какое-то „двойное“ [отношение к нам]: „Мне дела нет, если не найдут 4-й бат[альон] 47-го полка... Пусть становятся командиры полков впереди“). Мысль правильная, но выражена: 1) хамски, 2) трусом). Пробовали идти в атаку, но и силы, и порыв, и сердце были прикончены. Бросались, кричали „ура“, резали проволоку. Бронированный автомобиль был мною выпущен в момент „ура“, но шофер ранен, 1 пулемет уничтожен, другой поврежден, радиатор испорчен, лица других обожжены. Я с 4.30 часов до часу на 317-й [высоте] под артиллерийским огнем, а затем на выс[оте] 290 под непр[ерывным] ружейным и артиллерийским до 21 часу. <...>

24.6.[19]16 г.

Вспоминаем позавчерашнее дело (22.6 у Завачува). Характерна потеря пульса боя около 13 часов. Я чувал, что что-то не так, начинаются сетования, пересуды и страшное вранье. Предлагаю отправиться на [высоту] 290 (наблюдательный пункт командира 45-го, бывший под страшным огнем). Отправляюсь на 290-ю, а буде нужно, пойду дальше (т. е. в цепи). Я чувствовал, что нужно изменить точку наблюдения.

Отпущен. На лошади еду, сколько можно, а затем иду окопами, дохожу до 290-й и застаю всех прижавшимися к ямкам в передней крутости окопа. [Докладывают:] „Убиты в 2 шагах такие-то, перебиты 8 телефонистов, связь потеряна, высунешь голову – стреляют“. Командир 45-го [полка] в удрученном состоянии: полк разбит (осталась треть), офицеры перебиты (выбыли все батал[ьонные] командиры, один до ранения 3 раза падал в обморок от жары), а приказывают наступать; кругом огонь, впереди форт, сердце людей ослабло. И когда мне было ясно, что дальше двигаться нельзя, что „сердца нет, значит и успеха нет“, в это самое время „крикуны в безопасном наблюдательном пункте“ развоевались. Ком[андир]

⁵⁵ Совр. Живачов.

корпуса и начальник дивизии приказывают в 5 часов атаковать и непременно взять Завачув и [высоту] 353. Что же? Взять – так взять. Поднялись и вновь умерли.

Дивизия в ночь с 21 на 22 [июня] заступила на позицию, и ей было приказано атаковать. Для изучения [обстановки] нужно было бы как минимум 2 дня, а могли наскоро осмотреться лишь от 16 час[ов] до 20 часов накануне. Что же дал [командир] 33-го корпуса, приказавший атаковать? Ничего! Ни [сведений о том], сколько артиллерии у врага, ни его пристрелочные данные, ни что такое Завачув, ни что на 353-й, ни про основную позицию, на которую [сам] готов был отступить и действительно отступил на нашем правом фланге („победой“ здесь страшно играли). Что же должен был делать начальник дивизии? Или просить 2 дня для осмотра, или требовать обстановки.

Ни то ни другое сделано не было, и дивизия легла.

26.6.[19]16 г.

Все еще переживаем думы за 22.6. Обнаруживаются такие факты. Доносилось, что в батальонах 45-го оставалось по одному офицеру; к вечеру явилось 9 целых. „Доносите одно, а выходит другое“, – говорит штаб. Не понимает. При том ужасе, который был, оказались отсталыми и спрятавшимися не одни нижние чины (этих было 355), но и офицеры, а к вечеру (затишье боя) подошли и подползли все. В разгаре-то были, конечно, не все. Кап[итан] Лобза (Петр Степанович) вел на позицию последний украинский батальон, после уже 2 часов, когда было сравнительно тихо, и до того был удручен и подавлен огнем, что „заболел“, отправился в обоз и выразился так: „Не могу больше, готов быть кашеваром, но дальше от этих ужасов“. Конечно, не всем дано. Дерганье исходило от корпусного [командира], который трепещет пред армией, а начальник дивизии не имел мужества, потеряв пульс боя, да никогда его и не имев, представить свое дельное возражение. Корпус[ной командир], передав директиву армии, построил коридор для дивизии и в нем указал рубежи. Считал, что этим дело его сделано, а затем начал толкать ругательствами и угрозами – картина довольно обычная»⁵⁶.

Главное – подчеркнуть:

«Что же? Взять – так взять. Поднялись и вновь умерли».

«Не могу больше, готов быть кашеваром, но дальше от этих ужасов».

Общие потери Юго-Западного фронта с начала наступления до завершения активных боевых действий в ноябре 1916 года составили, по данным штаба фронта: убитыми – 2930 офицеров и 199 836 солдат; ранеными – 14 932 офицера и 1 075 959 солдат; пропавшими без вести – 928 офицеров и 151 749 солдат; всего 18 006 офицеров и 1 436 134 солдата. Из числа раненых в строй вернулись 204 000 человек. Потери противника по приблизительным оценкам оказались в полтора-два раза меньше⁵⁷. Оговоримся: данные эти неточны, и вообще точных данных об убитых, изувеченных, умерших от ран, пропавших без вести на русско-германском и русско-австрийском фронтах – нет.

Наступление Юго-Западного фронта летом 1916 года принесло Брусилову желанную славу. Это была, конечно, победа – последняя победа русской императорской армии.

⁵⁶ Фронтовые дневники генерала А. Е. Снесарева // Военно-исторический журнал. 2003. № 8. С. 38–39.

⁵⁷ Данные по: *Нелипович С. Г.* Наступление русского Юго-Западного фронта летом – осенью 1916 года: война на самоистощение? // Отечественная история. 1998. № 3. С. 47.

Неизбежность

Приведенные цифры и факты с полной ясностью показывают, что к началу 1917 года революция в России стала неизбежной.

Сильные мира сего пребывают в убеждении, что народы суть управляемые массы, стада, которые они, умелые пастухи, могут гнать куда угодно. Это верно – но только до некоего момента. Массы, какими бы управляемыми они ни казались, состоят из отдельных людей, и каждый отдельный человек думает свои мысли, чувствует свои чувства и страдает своими страданиями. В тот момент, когда мысли и чувства миллионов вдруг направляются в одну сторону (а это чаще всего случается на почве общей ненависти к источнику страданий), массы перестают быть управляемыми, власть мгновенно рушится, а сильные мира сего превращаются в бессильных, беспомощных одиночек, и если не успевают убежать, то бывают растоптаны толпой.

Русская революция не представляет собою никакой загадки. Она есть неизбежное следствие суммирования мыслей, чувств и страданий десятков миллионов человек, измученных многовековой великодержавной гонкой и под конец брошенных в печь мировой войны. Что революция принесет им еще большие страдания – этого они, конечно, не могли знать.

К исходу зимы 1917 года над всей Россией, над ее столицей, над ее армией нависла странная тишина.

Войска готовились к новым боевым действиям. Глубокий тыл жил своей тыловой, почти мирной жизнью. В Петрограде, как всегда, кипели карьерно-политические страсти.

Из воспоминаний жандармского генерала, долгое время служившего в дворцовой охране, Александра Ивановича Спиридовича:

«Все ждут какого-то переворота. Кто его сделает, где, как, когда – никто ничего не знает. А все говорят и все ждут»⁵⁸.

Случайно начались в столице уличные беспорядки; они выросли из ругани домохозяек, томившихся в хлебных очередях, – и внезапно породили тот самый момент суммирования мыслей, чувств и страданий миллионов. Все сошлось в двух словах: долой царя! В этом порыве (осознанном или в большинстве случаев неосознанном) объединились богатые и бедные, революционеры и монархисты, солдаты и генералы. Именно генералы завершили то, что начали домохозяйки. 2 марта начальник штаба Ставки, главнокомандующие всеми четырьмя фронтами и один из двух командующих флотом – Алексеев, Николай Николаевич, Рузский, Эверт, Брусилов, Сахаров, Непенин, итого семь высших военачальников – единодушно, почтительно и твердо потребовали у «хозяина Земли Русской» и «Верховного вождя русской армии» отречения от престола.

Какую роль играл в этом Брусилов?

Как главнокомандующий фронтом, не мог остаться в стороне от политики. Информированный Спиридович в мемуарах заявляет, что «о необходимости пойти на уступки не раз говорил Государю в тот месяц (январь 1917-го. – А. И.-Г.) и брат, Михаил Александрович. Его инспирировали Родзянко и генерал Брусилов, и, по их просьбе, он передал Государю об общей тревоге, о непопулярности правительства и особенно Протопопова, о желании широких кругов получить ответственное министерство»⁵⁹. Но Спиридович не был очевидцем этих переговоров: в августе его отправили подальше от двора и Ставки на должность

⁵⁸ Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция: 1914–1917 гг. Нью-Йорк, 1962. Кн. 3. С. 63.

⁵⁹ Там же. С. 21.

градоначальника в Ялту. В Петрограде он появился только 20 февраля, за несколько дней до начала революционных событий. Так что передает он в данном случае лишь слухи, которые свидетельствуют о том, что Брусилов слыл умеренным либералом конституционно-монархического толка. То же самое можно сказать о большинстве министров, генералов, придворных и даже родственников Николая II.

Существует мнение (весьма популярное среди сторонников модной «теории элит»), что государь и империя пали жертвой заговора. Говорят даже именно о «заговоре генерал-адъютантов», имея в виду тех самых высших военачальников русской армии. Есть разрозненные и туманные указания на существование такого заговора, но нет надежных доказательств. Вероятнее всего, заговора (как сознательной конспирации) не было, а была единодушная готовность правящих кругов и высшего генералитета избавиться от Николая II, заменив его кем-нибудь или чем-нибудь более удобным. Может быть, какой-нибудь марионеткой: несовершеннолетним больным цесаревичем Алексеем или великим князем Михаилом Александровичем, не имевшим ни авторитета, ни влияния, ни желания властвовать. Или «своим человеком» – великим князем Николаем Николаевичем, покровителем военных карьеристов. Или временным регентским советом (нет ничего более постоянного, чем временное). В любом случае при новом монархе или без него вся власть сосредоточилась бы в руках правительства, совета или комитета, составленного из них – высших вельмож и генералов. Так они думали, к этому готовились еще с 1905 года.

Поэтому 2 марта позиция высших военачальников оказалась столь солидарной, а действия столь согласованными.

Из телеграммы наштаверха Алексеева за № 1872 главнокомандующим фронтами. Отправлена из Ставки около 10 часов 15 минут 2 марта 1917 года:

«...Войну можно продолжать до победоносного конца лишь при исполнении предъявляемых требований относительно отречения от престола в пользу сына при регентстве Михаила Александровича. <...> Если вы разделяете этот взгляд, то не благоволите ли телеграфировать спешно свою верноподданническую просьбу Его Величеству через Главкосева, известив Наштаверха».

Из переговоров по телеграфу между Алексеевым и Брусиловым 2 марта около 10 часов 30 минут:

«Брусилов: Колебаться нельзя. Время не терпит. Совершенно с вами согласен. Немедленно телеграфирую через Главкосева телеграмму с всеподданнейшею просьбою Государю Императору. Совершенно разделяю все ваши воззрения. Тут двух мнений быть не может.

Алексеев: Будем действовать согласно. Только в этом возможность пережить с армией ту болезнь, которой страдает Россия и не дать заразе прикоснуться к армии. До свидания. Всего хорошего.

Брусилов: Очевидно, должна быть между нами полная солидарность. Я считаю вас по закону Верховным главнокомандующим, пока не будет другого распоряжения. Да поможет вам Господь».

Телеграмма Брусилова Алексееву, отправленная этим последним Николаю II в Псков вместе с телеграммами аналогичного содержания от других главкомов:

«Прошу вас доложить Государю Императору мою всеподданнейшую просьбу, основанную на моей любви и преданности к Родине и царскому престолу, что в данную минуту ЕДИНСТВЕННЫЙ ИСХОД, могущий спасти положение и дать возможность дальше бороться с внешним врагом, без чего Россия пропадет – ОТКАЗАТЬСЯ ОТ ПРЕСТОЛА в пользу Государя Наследника Цесаревича при регентстве Великого Князя Михаила Алексан-

дровича. Другого исхода нет, но необходимо спешить, дабы разгоревшийся и принявший большие размеры народный пожар был скорее потушен, иначе он повлечет за собою неисчислимые катастрофические последствия. Этим актом будет спасена и сама династия, в лице законного наследника. Генерал-адъютант БРУСИЛОВ»⁶⁰.

Отречение Николая II, плененного главкосевом Рузским в Пскове и окруженного изменой со всех сторон, было неизбежным. Воля генералов слилась в едином порыве с волей масс. Но это слияние не могло продолжаться дольше того времени, которое необходимо для осознания массами факта свержения власти.

В то самое время, когда генералы вели переговоры об отречении императора, телеграф уже разносил по стране приказ № 1 неведомого Петросовета, которым в армии упразднялась дисциплина, то есть власть генералов. Через два дня, 4 марта, в Гельсингфорсе матросами был убит вице-адмирал Непенин. 11 марта Временное правительство под давлением общественных настроений отрешило от командования Николая Николаевича, вождя кандидата в диктаторы от генеральской верхушки. 22 марта был снят с должности Эверт, 2 апреля – Сахаров; 24 апреля под предлогом болезни ушел в отставку Рузский. Наконец, 22 мая за неосторожное высказывание против «мира без аннексий и контрибуций» был смещен Алексеев, фактически исполнявший все это время обязанности Верховного. Не прошло и трех месяцев после осуществления «заговора генерал-адъютантов», а из всех его участников на своем посту в армии остался только один Брусилов.

Последний снаряд

Почему он один? Потому что с его именем связана была последняя победа русской армии. И еще потому, что он более других готов был терпеть безумие революции.

Из телеграмм Брусилова.

Главковерху Алексею, 18 марта: «Армии желают и могут наступать». «Наступление вполне возможно. Это наша обязанность перед союзниками, перед Россией и перед всем миром».

Ему же, 20 марта: «Мы должны атаковать противника, так как это единственный выход при создавшейся обстановке».

Военному министру Гучкову, 24 апреля: «Солдаты отрицают войну, не хотят и думать о наступлении и к офицерам относятся с явным недоверием, считая их представителями буржуазного начала. Такое состояние частей действует на соседей, как зараза. Является настоятельная необходимость скорейшего прибытия в части 7-й и 11-й армий, готовящихся к решительному удару, вдохновленных, горячо любящих родину членов Государственной думы и рабочих депутатов для самой искренней и горячей проповеди необходимости вести победоносную войну»⁶¹.

Итак, Брусилов, сохраняя бодрую верность идее наступления, пытается включиться в революционную реальность, принять стратегию митингов и «главноуговаривания».

Расходились пути сослуживцев. Закадычные друзья становились врагами, заклятые враги оказывались в одной упряжке, подчиненные превращались в начальников, начальники один за другим уходили в небытие. Тут вот и разошлись окончательно пути Брусилова и Каледина. Упрямый, верный, добросовестный Каледин не имел сил бодриться и не умел

⁶⁰ Там же. С. 277–279, 291.

⁶¹ Цит. по: Семанов С. Н. Брусилов. М., 1980; <http://www.litmir.net/br/?b=162228&p=64>.

митинговать. Он был помимо воли выброшен революцией во вражеский стан – и с ним вместе многие другие верные, упрямые, добросовестные. Брусилов обладал той степенью честолюбия и той долей авантюризма, которые дали ему возможность какое-то время удерживаться на волнах революционной бури. 22 мая декретом Временного правительства он был назначен на должность Верховного главнокомандующего.

Каждый юнкер, наверно, мечтает стать генералом. И каждый генерал спит и видит себя Верховным главнокомандующим. Военная фортуна в последний раз жестоко подшутила над шестидесятитрехлетним Брусиловым. Предела карьеры и предмета вожделений любого профессионального военного он достиг как будто специально для того, чтобы лишиться завоеванной с таким трудом полководческой славы. Он был назначен командовать разваливающейся армией, от которой требовали идти в наступление. И кто? Правительство, едва держащееся, неспособное решить ни одного принципиально важного вопроса. А в это же время на фронте и в тылу открыто агитируют большевики: «Мир любой ценой!»; «Землю – крестьянам!» Он, главнокомандующий, должен приказывать солдату идти под пули и шрапнель, когда этот солдат в мыслях своих уже дома, вместе с односельчанами делит помещичью землю.

Из воспоминаний Брусилова:

«Позицию большевиков я понимал, ибо они проповедовали „долой войну и немедленно мир во что бы то ни стало“, но я никак не мог понять тактики эсеров и меньшевиков, которые первыми разваливали армию якобы во избежание контрреволюции, что не рекомендовало их знания состояния умов солдатской массы (так в тексте. – А. И.-Г.), и вместе с тем желали продолжения войны до победного конца»⁶².

Генерал от инфантерии Андрей Медардович Зайончковский:

«В армию вводился новый элемент духовной подготовки в виде революционного экстаза Керенского. Фронт намеченных ударов обратился в фронт сплошных митингов в присутствии военного министра Керенского.

<...>

Летнее наступление 1917 г. прошло, в общем, под знаком митингов, уговоров»⁶³.

Две недели Ставка под началом нового Верховного и штабы фронтов готовили план наступления. Но когда все уже было готово, оказалось, что наступать без санкции Всероссийского съезда Советов нельзя. Несколько дней Керенский в Петрограде уговаривал делегатов съезда; несколько дней секретные планы Ставки служили предметом громогласного публичного обсуждения. Наконец согласие было получено.

16 июня началось наступление армий Юго-Западного фронта.

Началось вдохновенным порывом – и закончилось полным провалом.

Войска Юго-Западного фронта, добившись поначалу заметных успехов, при первых неудачах стали целыми дивизиями сыпаться в тыл. На других фронтах дело обстояло еще хуже. Полки, дивизии и корпуса митинговали и отказывались наступать. Не помогло даже и то, что 12 июля декретом Временного правительства была восстановлена смертная казнь за воинские преступления на фронте. Впрочем, восстановлена она была на бумаге: любой военно-полевой суд, осмелившийся покарать паникера или дезертира, сам стал бы жертвой ярости солдат.

⁶² Брусилов А. А. Воспоминания. С. 263; 15.html.

⁶³ Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 7: Кампания 1917 г. / Сост. А. М. Зайончковский. М., 1923. С. 66, 70.

Зайончковский:

«Составителю стратегического очерка здесь следовало бы положить перо. То, что происходило далее, не имело уже никакого подобия войны...»⁶⁴

19 июля утром главковерх Брусилов в Ставке получил следующую телеграмму: «Временное правительство постановило назначить Вас в свое распоряжение. Верховным главнокомандующим назначен генерал Корнилов. Вам надлежит, не ожидая прибытия его, сдать временное командование начальнику штаба Верховного главнокомандующего и прибыть в Петроград. Министр-председатель, военный и морской министр Керенский»⁶⁵.

19 июля он уехал из Могилева – но не в Петроград, а в Москву.

В это время среди командиров разваливающихся войск и в окружении министра-председателя Керенского уже витала, уже оформлялась идея генеральско-комиссарской диктатуры. Претендовал ли Брусилов на роль диктатора? В своих воспоминаниях он утверждает, что если бы ему сие предложили, он бы, не раздумывая, отказался. Но ему не предложили. А то, может быть, и не отказался бы...

Его даже не пригласили на Государственное совещание, проходившее в августе в Москве. Участвовал он, правда, в каком-то бессмысленном и бессильном Совещании общественных деятелей, собиравшемся дважды, в августе и в октябре. Это была странная компания: вчерашние политические тузы, выброшенные из колоды; пассажиры, отставшие от поезда событий, – Родзянко, Милюков, Рябушинский...

Корниловское выступление прошло мимо него, и провал корниловщины его не затронул. Существует легенда, опирающаяся на поздние воспоминания сомнительных мемуаристов, что он якобы сам готовил офицерское восстание и захват власти в Москве. Доказательств тому нет, да и любая такого рода попытка после корниловского краха была бы безумием. С высшего командного поста Брусилов был выброшен в бездеятельную изоляцию – отставной генерал, обитатель Остоженки. Казалось, история забыла о нем.

...И вот этот мортирный снаряд, залетевший 2 ноября, на исходе кровавых революционных московских боев, в обычно тихий Мансуровский переулок. Нет, история еще не выпустила отставного главковерха из своих смертельно опасных объятий. Осколки снаряда перебили кости правой голени в нескольких местах. Первое и последнее в его жизни ранение. Угроза ампутации. Восемь месяцев в лечебнице доктора Руднева.

Ранение и вынужденная восьмимесячная жизненная пауза предопределили последний поворот в его судьбе, последний выбор в его жизни.

В мае 1918 года, когда огненный конь Гражданской войны уже несся по всей России, в большевистскую Москву полулегально прибыла Мария Антоновна Нестерович-Берг, знакомая жены Брусилова, сестра милосердия, общественная деятельница предреволюционных лет, а теперь – агент белогвардейского движения. Цель ее прибытия – привлечение нужных людей на сторону белых. Брусилов в перечне таковых был одним из первых. Она посетила его в лечебнице. Спустя годы, в эмиграции, Мария Антоновна будет вспоминать: «Он лежал, но чувствовал себя бодро. Сказал, что рана не так серьезна, но он ей нарочно не дает зажить, чтобы оставили в покое и большевики и меньшевики».

Героическая женщина не поняла намека.

«Я передала ему письмо, привезенное из Новороссийска, в котором генералу предлагалось бежать на Дон с помощью нашего комитета.

Брусилов прочел письмо, положил под подушку и сказал, отчеканивая слова:

⁶⁴ Там же. С. 84.

⁶⁵ Брусилов А. А. Воспоминания. С. 280.

– Никуда не поеду. Пора нам всем забыть о трехцветном знамени и соединиться под красным»⁶⁶.

Состоялся ли такой разговор в действительности, или он является плодом мемуарного вымысла, но образ мыслей Брусилова эти слова отражают.

Брусилов не хотел вступать в русскую смуту на ее первом, разрушительном этапе. И видел, что большевики, пришедшие к власти под знаменем разрушения, уже сейчас вынуждены начинать созидание новой российской государственности.

Он, маневрируя, уклонялся от Гражданской войны, но Гражданская война подступала с разных сторон. 30 августа 1918 года прогремели выстрелы, поразившие сразу многих. В Москве стреляли в Ленина, в Петрограде был убит Урицкий. В ответ на это 5 сентября Совнарком издал декрет о красном терроре: «Необходимо обеспечить Советскую республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях», «подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам»⁶⁷. Вместе со многими другими «бывшими» – капиталистами, чиновниками, военными и общественными деятелями – Брусилов был арестован ВЧК и почти два месяца содержался под арестом в Кремле. Потом его выпустили по случаю празднования годовщины пролетарской революции и точно к годовщине его ранения.

Но это еще было не горе – горе впереди. Единственный сын генерала, Алексей, в прошлом офицер конногренадерского полка, в начале 1919 года уехал из Москвы – и пропал без вести. История его бегства и гибели так и осталась не разъясненной до конца. Из столицы он бежал, по-видимому, спасаясь от голода, семейных неурядиц, а может быть, и от угрозы ареста, от всесильной «чеки». Есть сведения, что он вступил в Красную армию, командовал кавалерийской частью, попал в плен к белым и был расстрелян. Существует и иная версия: из Красной армии перебежал к белым, но вскоре заболел и умер от тифа. Обе версии документально не подтверждаются – впрочем, как и обстоятельства гибели многих десятков тысяч людей в мешанине Гражданской войны.

С воинскими почестями

1 мая 1920 года, в день новоблагословенного советского праздника, начальник Всероглаштаба товарищ Раттэль, разбирая утреннюю корреспонденцию, увидел конверт, надписанный хорошо знакомым ему почерком. Немедленно вскрыв его, взгляделся в аккуратные строчки:

«Милостивый государь Николай Иосифович!

За последние дни пришлось мне читать ежедневно в газетах про быстрое и широкое наступление поляков, которые, по-видимому, желают захватить все земли, входившие в состав Королевства Польского до 1772 г., а может быть, и этим не ограничатся.

<...> При такой обстановке было бы желательно собрать совещание из людей боевого и жизненного опыта для подробного обсуждения настоящего положения России и наиболее целесообразных мер для избавления от иностранного нашествия. Мне казалось бы, что первою мерою должно быть возбуждение народного патриотизма, без которого крепкой, боеспособной армии не будет. <...> Польское нашествие на земли, искони принадлежащие русскому православному народу, необходимо отразить силою. Как мне кажется, это совещание

⁶⁶ Цит. по: Семанов С. Н. Брусилов; <http://www.litmir.net/br/?b=162228&p=73>.

⁶⁷ Декреты Советской власти. М., 1964. Т. 3. С. 291–292.

должно состоять при главнокомандующем, чтобы обсуждать дело снабжения войск провиантом, огнестрельными припасами и обмундированием...»⁶⁸

Подпись: «Брусилов».

Брусилов! Вот уж поистине, сколько лет, сколько зим! Когда-то (как это было давно! три года назад, в иной жизни!) Генерального штаба генерал-майор Раттэль служил при Брусилове – помощником генерал-квартирмейстера штаба Юго-Западного фронта, в переводе на советскую терминологию: замначоперодом – заместителем начальника оперативного отдела. Служил во время Брусиловского прорыва! И теперь вот старик обращается к нему с этим странным письмом, в котором революционная фразеология переплетена с формулами православия и народности.

О письме Брусилова Раттэль немедленно доложил в Реввоенсовет республики. Уже 5 мая в «Правде» был опубликован приказ об образовании при главнокомандующем Вооруженными силами республики Особого совещания по вопросам увеличения сил и средств для борьбы с наступлением польской контрреволюции. В составе совещания целый сонм бывших генералов: Балувев, Гутор, Клембовский, Зайончковский, Цуриков, Парский. Председатель – Брусилов.

Обстановка была в это время тревожная. В апреле войска новообразованного Польского государства развернули наступление на Украине. Дела у красных на новом фронте шли из рук вон плохо. Плоды только что достигнутых побед в Гражданской войне могли быть утрачены. Поэтому руководство Советской России и Реввоенсовет сочли очень своевременной инициативу Брусилова.

Брусилов и другие «бывшие господа генералы», по-видимому, надеялись вернуться на службу в войска. Но советскую власть больше интересовала пропагандистская сторона дела. 23 мая в той же «Правде» было опубликовано обращение «Ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились». В нем – призыв ко всем офицерам русской армии вступать добровольно в армию Красную. Внизу – подписи членов Особого совещания с Брусиловым во главе. За обращением последовал декрет Совнаркома о полной амнистии всем бывшим офицерам, даже служившим в белых армиях, если они перейдут под красные знамена.

Откликнулись тысячи. Многие из них потом будут репрессированы... Но это уже другая история.

Брусилов вновь был принят на военную службу. С лета 1920 года он – инспектор Центрального управления коннозаводства. В 1923–1924 годах – инспектор кавалерии Рабоче-крестьянской Красной армии. С 1924-го состоял для особо важных поручений при Реввоенсовете республики. Умер от воспаления легких 17 марта 1926 года. (Это можно было бы считать мистическим совпадением – в день десятилетия своего назначения главнокомандующим Юго-Западным фронтом! Но, увы, 17 марта по новому стилю – это 4 марта по старому.)

19 марта 1926 года в полдень у дома № 4 по Мансуровскому переулку выстроились войска: рота пехоты, эскадрон кавалерии. Отворились двери парадного подъезда. Командиры со знаками различия в петлицах и на рукавах вынесли гроб, поставили на орудийный лафет. Грянул военный оркестр. Эскорт двинулся к Новодевичьему кладбищу.

Генерал-адъютант государя императора, состоявший при Революционном военном совете республики Брусилов был похоронен с воинскими почестями.

⁶⁸ Цит. по: Семанов С. Н. Брусилов; <http://www.litmir.net/br/?b=162228&p=75>.

Два главкома

Деникин

Если кто из генералов русской армии времен Первой мировой войны и революционной смуты мог бы именоваться генералом солдатским, народным, так это Антон Иванович Деникин, сын офицера, выслужившегося из солдат, внук крепостного крестьянина. Именно ему по прихотливой воле истории привелось возглавить поход против власти, именовавшей себя властью Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Сторонники и соратники хотели видеть в нем народного вождя, нового Дмитрия Пожарского. Но нет, вождем он не стал. Провал Белого дела превратил его в исторического неудачника, обрек на долгие годы вынужденного бездействия в эмиграции, затмил ту полководческую известность, даже славу, которую принесла ему мировая война на австро-венгерском фронте.

Впрочем, полководческая слава всегда двусмысленна и ценность ее сомнительна. А в Деникине ни двусмысленности, ни сомнительности нет. Человек единого пути. Никуда не сворачивал и нигде не отсиживался. Шел туда, куда предписано по диспозиции. Вся жизнь – поход. А что в конце? И будет ли конец этому походу? Ведь и после смерти продолжается путь: похоронен в Детройте, перезахоронен в Кесвилле (Джексон, Нью-Джерси), вновь перенесены его останки в Москву, в Свято-Данилов монастырь...

Начало похода

Когда у отставного майора Ивана Деникина родился сын, майору было шестьдесят пять лет. Майор был из крепостных. Отдали его в солдаты, по семейному преданию, в двадцать семь лет. О его житье-бытье до солдатчины, о его крестьянской родне ничего не известно, как и о его первом, бездетном браке. Служил долго и добросовестно: двадцать лет и два года, рядовым, потом унтером; и был наконец допущен к экзамену на офицерский чин. В 1856 году, на пятидесятом году жизни, дождался производства в прапорщики. Направлен в пограничную стражу, в Польшу, на российско-прусскую границу. И снова служил государю, тянул лямку еще тринадцать лет. В 1869 году, при отставке, получил чин майора и пенсию: тридцать шесть рублей в месяц. Жить остался в Польше. Тут нашел себе невесту: бедную, но из благородных. Была она, Эльжбета Вржесинска, на тридцать шесть лет моложе мужа. Стала Елизаветой Федоровной Деникиной, женой отставного штаб-офицера. Он православный, она католичка. Он говорит только по-русски, она только по-польски. Но друг друга научились понимать неплохо. По истечении положенного после свадьбы срока, 4 декабря 1872 года, родился у них сын. Назвали Антоном.

Отвлекусь.

В памяти моей семьи сохранилась история, во многом похожая. Моя родня по одной из линий была родом из Пинска Минской губернии. Тогда это был городок с населением на две трети еврейским, на четверть польским. Русских было мало, в основном присланные служащие – чиновники, офицеры. Обитало там польское семейство Макарских – тоже «благородные, но бедные». Своим шляхетским происхождением гордились, а есть в доме нечего. Положение случалось до того отчаянное, до того в тягость был каждый лишний рот, что когда прапрапрабабушка моя заболела чем-то заразным (чуть ли не холерой), то ее дочку, малышку, родственники подложили к ней специально – чтоб заразилась и умерла. Но малышка выжила. Звали ее Мария. Выросла – и стала красавицей-бесприданницей. Положение бесприданницы безвыходное: сиди зарабатывай шитьем на кусок хлеба и жди, когда

кто-нибудь посватается. Посватался мой прапрадед, отставной унтер-офицер из кантонистов – солдатских или унтер-офицерских детей. Жених был много старше невесты, лет на тридцать. Но куда денешься? И Марыся Макарская стала Марией Игнатьевной Кондратьевой.

Достоин удивления то, что этот брак, как и брак Деникиных, оказался удачным, прочным. И когда прапрадед мой, Иван Александрович Кондратьев, человек беспокойный и бродячий, уехал куда-то по делам и пропал на долгие годы, – Мария Игнатьевна, уже мать двоих детей, оставалась ему верна и не вышла замуж, хотя долгий срок безвестного отсутствия мужа позволял ей это сделать, да и женихи присватывались. Дождалась: неожиданно-негаданно суженый вернулся. Следствием его возвращения стала дочка Эмилия, 1887 года рождения. Эмилия Ивановна, тетя Миля, запечатлелась в моей детской памяти: маленькая, дивная старушка, с белыми-белыми волосами и нежно-обходительными манерами. Ее старший брат, мой прадед Александр Иванович Кондратьев, был почти ровесником Антона Ивановича Деникина. Он пропал без вести во время Гражданской войны – кажется, где-то там, на деникинском фронте...

Вернемся к делу.

Антон похож на отца. Это неистребимое сходство сохранилось в нем до конца дней; оно проступает на всех его фотографиях. Кто он? Военный, военный насквозь, до последнего волоска бороды и усов. Генерал. Даже в штатском платье, даже на поздних стариковских фотографиях – генерал. Но не генерал-аристократ, как Брусилов, не генерал-интеллигент, как Май-Маевский, не генерал-чиновник, как Алексеев, не генерал-вождь, как Корнилов. А генерал-солдат или, точнее, генерал-унтер: проникнутый духом службы, правдой службы, верою в службу. Взгляд его прям, светел и по-своему добр. Так старый заслуженный фельдфебель смотрит на испуганного новобранца. «Ну-с, парнишка, слабоват ты у нас – да ничего, подтянем! Не бойсь! Держи хвост пистолетом! Смирно! Кругом! Шагом... арш!»

Как и полагается солдату, Деникин всю жизнь прожил в походной скудости. Детство и юность – так и просто в бедности. 36 рублей отцовской пенсии означали по тем временам минимум во всем. На такие деньги невозможно было прожить в Варшаве, поэтому Деникины поначалу обосновались в деревеньке Шпеталь Дольни, и лишь когда надо было отправлять Антона в школу, перебрались в ближний городок Влоцлавск⁶⁹ Варшавской губернии, на Висле. Там жили в доме на Пекарской улице, в двухкомнатной квартире впятером: отец, мать, Антон, дед – отец матери – и прислуга, она же нянька Аполония.

Отец умер, когда Антону, ученику реального училища (реалисту) было тринадцать лет. Пенсия вдове полагалась совсем скудная – двадцать рублей. Реалисту пришлось подрабатывать – частные уроки давать. Впрочем, репетиторство в те времена было обычным заработком малоимущих реалистов и гимназистов старших классов. В часы нудных уроков, в училище и дома, в мальчишеских играх на берегу Вислы созревала в сердце Антона мечта: стать как отец, стать офицером. Но он не мог и думать о поступлении в привилегированную военную школу, подобно Каледину или Брусилову. Окончил реальное училище (в городе Ловиче, ибо во Влоцлавске не имелось последнего, седьмого класса), записался вольноопределяющимся в 1-й стрелковый полк и через положенные три месяца был зачислен на военно-училищный курс при Киевском юнкерском училище.

Из воспоминаний Деникина:

«...Условия жизни в училище отличались суровой простотой и скромностью, являясь хорошей школой для вступления в обер-офицерскую жизнь. Надо заметить, что в начале 90-х годов младший офицер получал в месяц около 50 рублей содержания. И хотя до революции дважды увеличивалось содержание, но стандарт офицерской жизни стоял всегда на

⁶⁹ Совр. Влоцлавек, Польша.

низком уровне. И потому, когда во время революции митинговые ораторы большевистского лагеря причисляли к буржуазии, ими ненавидимой и истребляемой, офицерство, это была неправда: русский офицерский корпус в главной массе своей принадлежал к категории трудового интеллигентного пролетариата»⁷⁰.

4 августа 1892 года пришел приказ о производстве в офицеры окончивших военно-училищный курс. В этот день Антон Деникин напился пьян – как он сам утверждает, единственный раз в жизни. В сентябре того же года, после положенного двадцативосьмидневного отпуска, подпоручик Деникин явился к месту службы, во 2-ю артиллерийскую бригаду в захолустное местечко Бела⁷¹ Седлецкой губернии, на 50 рублей жалованья. Как еще Пушкин писал: «Жизнь армейского офицера известна...»

Из воспоминаний Деникина:

«Из года в год все то же, все то же. Одни и те же разговоры и шутки. Лишь два-три дома, где можно было не только повеселиться, но и поговорить на серьезные темы. Ни один лектор, ни одна порядочная труппа не забредала в нашу глушь. Словом, серенькая жизнь, маленькие интересы – „чеховские будни“»⁷².

От скуки чем не займешься? Деникин стал пописывать: забавные рассказы из местечковой жизни, фельетоны, а потом и статьи посерьезнее, на темы военной жизни. Печатались они, начиная с 1898 года, под псевдонимом Иван Ночин в русских изданиях Варшавы (журнал «Офицерская жизнь», газета «Варшавский дневник») и в Петербурге, в военном журнале «Разведчик». Конечно, это не великие литературные произведения. Но они многое говорят об авторе. Он образован и весьма начитан, кругозор его широк – не подумаешь, что пишет армейский офицер из захолустного гарнизона. Он наблюдателен, владеет даром слова. Он обладает вполне сложившимся мировоззрением, которое можно охарактеризовать так: либеральный гуманизм на основании здравого смысла (несколько прямолинейного, по-военному). И еще один мотив здесь постоянно звучит; назовем его так: тревожный патриотизм. Как в словах лесковского Левши: «В Англии ружья кирпичом не чистят... Передайте государю, а то вдруг война, так они стрелять не годятся».

В статьях Ночина:

«Армейский поезд идет с громадным опозданием вследствие загромождения пути».

«Все сверху донизу требует фундаментального ремонта».

«Более чем когда-либо нам нужен мир. Новая война была бы для нас несчастьем»⁷³.

Подпоручик, поручик, штабс-капитан Деникин еще не знает, с чем столкнется, когда будет генералом...

Три года Деникин служил в бригаде. И вместе с тремя другими офицерами бригады принял решение пойти на приступ далекой манящей крепости – Николаевской академии Генерального штаба в Петербурге.

⁷⁰ Деникин А. И. Путь русского офицера. М., 1991. С. 45–46.

⁷¹ Совр. Бяла-Подляска, Польша.

⁷² Деникин А. И. Путь русского офицера. С. 58.

⁷³ Цит. по: Теремов О. В. А. И. Деникин против канцелярщины, показухи и произвола // Военно-исторический журнал. 1994. № 2. С. 90–94.

Ничего величественного

Удивительно: в характеристиках Деникина все (или почти все) мемуаристы сходятся на положительном знаке. Даже у недоброжелателей его образ вызывает плохо или хорошо скрываемое сочувствие; у доброжелателей эмоции доходят до восторга. Право же, скучновато становится: эдакая фельдфебельская добропорядочность, гугенотская праведность...

Константин Николаевич Соколов, юрист, публицист, член Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России в 1918–1919 годах:

«Впечатление, которое я получил от первого свидания с генералом Деникиным и которое неоднократно имел случай проверить при многочисленных последующих встречах с ним, было впечатление неотразимого обаяния. Наружность... самая заурядная. Ничего величественного. Ничего демонического. Просто русский армейский генерал, с склонностью к полноте, с большой голой головой, окаймленной бритыми седеющими волосами, с бородкой клинышком и закрученными усами. Но прямо пленительна застенчивая суровость его неловких, как будто связанных, манер, и прямой, упрямый взгляд, разрешающийся добродушной улыбкой и заразительным смешком... В генерале Деникине я увидел не Наполеона, не героя, не вожда, но просто честного, стойкого и доблестного человека, одного из тех „добрых“ русских людей, которые, если верить Ключевскому, вывели Россию из Смутного времени»⁷⁴.

Другой Соколов, Владимир Иванович (известен нам по тем нелюбимым характеристикам, которые он дает в своих воспоминаниях Каледину и Брусилову), генерал, в 1914–1916 годах воевал бок о бок с Деникиным. Мемуарист желчный, всеми недовольный, добавляет красок к портрету Деникина:

«Это человек необъятного честолюбия, к удовлетворению он шел всеми способами, до самой дешевой рекламы включительно, но при этом он был человек безусловно храбрый, не только с военным, но и с гражданским мужеством. Мы знали, что своего Деникин не упустит, а при случае захватит и чужое, разумеется, не в материальном, а в моральном смысле; хорошее дело раздувалось в выходящее за обычные рамки. Для рекламных целей Деникин держал при себе специального адъютанта (забыл фамилию), который посылал корреспонденции во все мелкие бульварные южные газетки, откуда в перепечатке реклама попадала и в большую прессу. <...>

Деникин не выделялся острым, живым умом и способностью быстро схватывать и правильно оценивать обстановку, т. е. качествами крупного начальника, не любил штабную службу и вообще представлял собою чисто строевого начальника, мужественного и отважного, способного на личный пример и самопожертвование. Поэтому в роли корпусного командира он чувствовал себя не в своей тарелке, ему необходима была близость боевых частей, но опять-таки не крупного масштаба, с которым он разбирался плохо»⁷⁵.

Барон Петр Николаевич Врангель, генерал, преемник Деникина на посту главнокомандующего Вооруженными силами Юга России; как аристократ и как бывший подчиненный, ставший преемником, относится к Деникину положительно, но немного свысока:

⁷⁴ Соколов К. Н. Правление генерала Деникина (из воспоминаний). София, 1921. С. 39–40.

⁷⁵ Соколов В. И. Заметки...; сайт «Русская армия в Великой войне»: http://www.grwar.ru/library/Sokoloff-Impression/SI_01.html.

«Среднего роста, плотный, несколько расположенный к полноте, с небольшой бородкой и длинными черными с значительной проседью усами, грубоватым низким голосом, генерал Деникин производил впечатление вдумчивого, твердого, кряжистого, чисто русского человека. Он имел репутацию честного солдата, храброго, способного и обладавшего большой военной эрудицией начальника. <...>

Один из наиболее выдающихся наших генералов, недюжинных способностей, обладавший обширными военными знаниями и большим боевым опытом, он в течение Великой войны заслуженно выдвинулся среди военачальников. Во главе своей „железной дивизии“ он имел ряд блестящих дел. <...> Он отлично владел словом, речь его была сильна и образна. В то же время, говоря с войсками, он не умел овладевать сердцами людей. Самим внешним обликом своим, мало красочным, обыденным, он напоминал среднего обывателя. У него не было всего того, что действует на толпу, зажигает сердца и овладевает душами. Пройдя суровую жизненную школу, пробившись сквозь армейскую толщу исключительно благодаря знаниям и труду, он выработал свой собственный и определенный взгляд на условия и явления жизни, твердо и определенно этого взгляда держался, исключая все то, что, казалось ему, находится вне этих непререкаемых для него истин. Сын армейского офицера, сам большую часть своей службы проводивший в армии, он, оказавшись на ее верхах, сохранил многие характерные черты своей среды – провинциальной, мелкобуржуазной, с либеральным оттенком»⁷⁶.

Священник Георгий Шавельский, в 1914–1917 годах протопресвитер (руководитель духовенства) русской армии и флота, в 1919–1920 годах протопресвитер Вооруженных сил Юга России, добавляет тонкой нравственной позолоты:

«К сожалению, надо сказать, что ни в гражданских, ни в военных кругах ген. Деникин особой любовью не пользовался. Кроме его замкнутости, этому в сильной степени способствовало следующее обстоятельство. И офицерство, и все чины Добровольческой армии, и сам ген. Деникин владели нищенское существование. <...>

Сам генерал Деникин летом 1919 г. ходил в теплой черкеске. Когда его спросили, почему он это делает, он ответил:

– Штаны последние изорвались, а летняя рубаша не может прикрыть их.

Все обвиняли ген. Деникина в скупости. Между тем скупость Деникина вызывалась его поразительной честностью и опасением, как бы потом не обвинили его в расточительности. Но толпа видела крохотные оклады, особенно заметные при сравнении их с донскими и кубанскими окладами, испытывала нужду и не замечала чудной души, прекрасных порывов, кристальной честности Деникина»⁷⁷.

Относительно замкнутости отец Георгий, думаю, ошибается: Деникин был вполне общительным человеком – правда, в своем кругу. Среди пестрой публики, составлявшей окружение главнокомандующего Вооруженными силами Юга России в 1919 году, он чувствовал себя непривычно, неловко, оттого и казался замкнутым.

Характер

На фоне осторожно-сочувственных или прямо хвалебных отзывов о Деникине диссонансом звучит краткий фрагмент в мемуарах Михаила Дмитриевича Бонч-Бруевича:

⁷⁶ Врангель П. Н. Записки. Кн. 1. Гл. 2; сайт «Русская императорская армия»: <http://www.regiment.ru/Lib/B/41/2.htm>, 3.htm.

⁷⁷ Шавельский Г. И. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 2. Нью-Йорк, 1954. С. 326–327.

«Антон Ивановича я знал еще по Академии Генерального штаба, слушателями которой мы были в одно и то же время. Приходилось мне встречаться с Деникиным и в годы службы в Киевском военном округе.

Репутация у него была незавидная. Говорили, что он картежник, не очень чисто играющий. Поговаривали и о долгах, которые Деникин любил делать, но никогда не спешил отдавать. Но фронт заставляет радоваться встрече с любым старым знакомым, и я не без удовольствия встретился с Антоном Ивановичем...

Деникин был все тот же – со склонностью к полноте, с такой же, но уже тронутой сединой шаблонной бородкой на невыразительном лице и излюбленными сапогами „бутылками“ на толстых ногах.

Я пригласил генерала к себе. Расторопный Смыков, мой верный слуга и друг, мгновенно раздул самовар, среди тайных его запасов оказались водка и необходимая закуска, и мы с Антоном Ивановичем не без приятности провели вечер.

– А знаете, Михаил Дмитрич, я ведь того... собрался уходить от Брусилова, – неожиданно признался Деникин...

– С чего бы это, Антон Иванович? – удивился я. – Ведь оперативная работа в штабе армии куда как интересна.

– Нет, нет, уйду в строй, – сказал Деникин. – Там, смотришь, боишко, чинишко, орденшко! А в штабе гни только спину над бумагами. Не по моему характеру это дело...»⁷⁸

О генерале Бонч-Бруевиче у нас речь впереди. Много из того, что он пишет, надо читать как шифровку, в которой слова иногда меняют значения на противоположные. В своих мемуарах, написанных в советские времена, бывший царский генерал, исполнитель тайных поручений великого князя Николая Николаевича, многие годы ходивший под ножом сталинских чисток, естественно, не мог положительно отзываться о враге советской власти номер один, каковым считался Деникин. Отсюда эти навязчивые негативные эпитеты: если бородка, то шаблонная; если лицо, то невыразительное; если ноги, то толстые. Отсюда же бездоказательные, на уровне клеветы, обвинения в нечистой картежной игре. Все остальное построено по принципу: знающий – поймет. «Знающий» читатель понимал, конечно, что долги, которые якобы «любил делать» Деникин, обусловлены были скудостью жалования армейского офицера. Многие офицеры жили в долг, и особенно – слушатели Академии Генерального штаба, из непритязательной провинции попавшие в столицу с ее блеском и дороговизной.

Главное, Бонч-Бруевич признает, что рад был встрече с Деникиным. В Советской стране такое признание уже стоило дорого и могло обернуться для пишущего крупными неприятностями. Суть их разговора в том, что Деникин высказывает намерение с теплого, карьерно выгодного штабного места уйти в строй, то есть, в условиях того момента, – прямо на передовую. Начальник бригады, каковым был назначен Деникин в сентябре 1914 года, – это командир, непосредственно руководящий боем, не засиживающийся на командном пункте, в штабе или в укрытии. Из всех генеральских должностей эта была связана с наибольшим риском для жизни, ведь «боишки» на фронте шли жестокие, кровавые. А вот в отношении «чинишек» она особых перспектив не сулила: служба начальника бригады проходила где-то там, в строю, а генерал-квартирмейстера – на глазах высокого начальства.

Кстати, и заключительная фраза, насчет характера, – тоже для посвященных.

Бонч-Бруевич окончил Академию Генштаба на год раньше Деникина, но был, конечно же, наслышан о скандальной истории следующего выпуска, 1899 года. Историю эту Деникин потом подробно опишет в книге воспоминаний «Путь русского офицера».

⁷⁸ Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам. М., 1957. С. 29.

А дело вот в чем.

Для простого армейского офицера без связей едва ли не единственный путь к чинам в мирное время открывался через Академию Генштаба. Окончившие ее по первому разряду причислялись к Генеральному штабу, что впоследствии давало преимущество при замещении различных командных и штабных должностей. Однако достичь вожделенного первого разряда было трудно. Из примерно полутора тысяч офицеров, ежегодно устремлявшихся на штурм академических высот, более тысячи отсеивались на экзаменах в штабах округов. Из оставшихся только полтораста человек, после сдачи экзаменов в самой Академии, зачислялись на первый курс; многие потом отсеивались; третий (последний) курс оканчивало около сотни, из них лишь первые пятьдесят – по первому разряду. Как раз перед деникинским выпуском в Академии сменилось начальство. Новая метла – генерал Сухотин, креатура военного министра Куропаткина, – выметая старинный сор, задела и слушателей третьего курса. В последний момент перед выпуском была изменена система начисления баллов (по утверждению Деникина, изменена произвольно, сумбурно и незаконно). В результате несколько выпускников, уже состоявших в списках перворазрядников, были из него вычеркнуты. Один из них – штабс-капитан Деникин. Крах карьеры.

И вот Деникин сделал то, на что никогда не решились бы 999 из тысячи самых храбрых офицеров русской армии. Он подал жалобу непосредственно государю императору. Можно представить себе, какой переполох поднялся в Академии, в Генштабе, в министерстве! О поступке Деникина только и говорили выпускники и слушатели Академии. Дело пытались замять всеми способами. Предлагали подать «прошение о милости», обещая благоприятный ответ. Деникин отрезал: «Милости не прошу, а добиваюсь того, что мне полагается по праву».

Жалоба штабс-капитана завертелась в водовороте придворно-правительственных интриг. Обвинение начальника Академии в беззаконии било по Куропаткину. Враги военного министра, имевшие поддержку в лагере министра финансов Витте, рьяно взялись помогать «бедному офицеру», постарались довести историю до императора в выгодном им свете – и, видимо, перестарались. Разумеется, Деникин не имел понятия об этих тайных пружинах своего дела. Он ждал правды от государя.

Настал день, когда выпускники Академии должны были представиться Николаю II. Во дворце они были выстроены в порядке полученных баллов. Деникин оказался за роковой чертой, во втором разряде. Наконец вошел государь император.

Из воспоминаний Деникина:

«По природе своей человек застенчивый, он, по-видимому, испытывал немалое смущение во время такого большого приема – нескольких сот офицеров, каждому из которых предстояло задать несколько вопросов, сказать что-либо приветливое. Это чувствовалось по его добрым, словно тоскующим глазам, по томительным паузам в разговоре и по нервному подергиванию аксельбантом.

Подошел, наконец, ко мне. Я почувствовал на себе со стороны чьи-то тяжелые, давящие взоры... Я назвал свой чин и фамилию. Раздался голос государя:

– Ну, а вы как думаете устроиться?

– Не знаю. Жду решения Вашего Императорского Величества.

Государь повернулся вполоборота и вопросительно взглянул на военного министра. Генерал Куропаткин низко наклонился и доложил:

– Этот офицер, Ваше Величество, не причислен к Генеральному штабу за характер.

Государь повернулся опять ко мне, нервно обдернул аксельбант и задал еще два незначительных вопроса: долго ли я на службе и где расположена моя бригада? Приветливо кивнул и пошел дальше.

Я видел, как просветлели лица моего начальства. Это было так заметно, что вызвало улыбки у некоторых близ стоявших чинов свиты... У меня же от разговора, столь мучительножданного, остался тяжелый осадок на душе и разочарование... в „правде воли монаршей“...»⁷⁹

Так что слова о характере, произнесенные Деникиным в разговоре с Бонч-Бруевичем (или приписанные ему Бонч-Бруевичем) имели определенный и весьма лестный для репутации Деникина подтекст. Не причислен за характер.

Правда, в капитаны он был-таки при выпуске произведен. Вернулся в бригаду. Но не успокоился. Через два года написал письмо Куропаткину. И получил неожиданный ответ в виде телеграммы: высочайшим повелением он включен в списки офицеров Генерального штаба. Видимо, в Петербурге, в министерстве или в Зимнем дворце, изменилась погода.

В мемуарах Деникин приписал это чудо раскаянию Куропаткина. Но, надо полагать, и в первом и во втором случае решение определялось все-таки именно «волей монаршей». Тогда, на церемонии представления, самодержец не мог оказать высочайшую милость офицеру, потому что это было бы расценено всеми как выражение немилости министру. В чуткой к интригам придворной среде такой афронт имел бы непременно следствием бегство сторонников Куропаткина от него на противоположную сторону. Шаткое равновесие группировок было бы нарушено, «система сдержек и противовесов» пришла бы в опасное движение... Нельзя!

Нельзя сейчас. Надо выждать. Придет благоприятный момент.

Эти слова часто, слишком часто вынужден был говорить себе последний российский самодержец. В случае с капитаном Деникиным благоприятный момент пришел. Но в других случаях его так и не удалось дожидаться: в очень важных случаях, на судьбоносных переломах. И вот в итоге император с «добрыми, словно тоскующими глазами» оказался жертвой собственного бессилия. И с ним – тысячи, десятки тысяч, миллионы...

Впрочем, это все станет явью через пятнадцать лет после благополучного завершения истории о деникинском характере.

Путь к звездам

Анализируя причины поражений русских войск в Русско-японской войне, один из главных виновников этих самых поражений, генерал-адъютант и военный министр Куропаткин, писал, что в предвоенные годы в нашей армии «люди с сильным характером, люди самостоятельные, к сожалению, не выдвигались вперед, а преследовались; в мирное время они для многих начальников казались беспокойными. В результате такие люди часто оставляли службу. Наоборот, люди бесхарактерные, без убеждений, но покладистые, всегда готовые во всем соглашаться с мнением своих начальников, выдвигались вперед»⁸⁰. Истинная правда. Это мы видели на вышеуказанном примере. То же самое, надо сказать, имело место и после Русско-японской войны.

Деникину, человеку самостоятельному и с сильным характером, для того чтобы выдвинуться, нужны были особые условия. Как только началась война в Маньчжурии, старший адъютант штаба II кавалерийского корпуса Генерального штаба капитан Деникин подал рапорт о командировании его в действующую армию (вот оно: «боишко, чинишко, орденишко»). В марте 1904 года, не залечив травму, полученную при падении вместе с лошадью

⁷⁹ Деникин А. И. Путь русского офицера. С. 81–82.

⁸⁰ Там же. С. 188.

на зимних маневрах, Деникин отправился на Дальний Восток – в штаб 3-й бригады Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи.

Подробности маньчжурской эпопеи Деникина и всей русской армии мы рассказывать не будем. Сам Деникин правдиво и развернуто описал свою фронтовую жизнь на пространствах между Ляояном и Харбином в книге «Путь русского офицера». Бульшую часть военного времени он прослужил в кавалерии под командованием генералов Ренненкампа и Мищенко. Отметим тот факт, что в боевых условиях он нашел себя, а чины и награды нашли его. Должности, которые он занимал, – начальник штаба бригады, потом дивизии – полковничьи, а то и генеральские. Уже в конце 1904 года красный крестик ордена Святой Анны с мечами и бантом (третья степень, «за военные, против неприятеля, подвиги») заблестел на его мундире, а на плечах уже красовались свеженькие погоны с двумя штаб-офицерскими просветами и звездочками подполковника. К этому добавился вскоре Станислав второй степени с мечами. Перед самым заключением мира пришло производство в полковники – «за боевые отличия». И наконец, уже после завершения войны аннинский крестик переместился на шейную ленточку (степень вторая).

С войны вернулся новый Деникин – тридцатитрехлетний боевой полковник и российских императорских орденов кавалер.

Да, все-таки мирное время – не для таких людей. Следующие девять лет его жизни прошли, может быть, и плодотворно для внутреннего развития, но как-то непримечательно. Вновь офицер для особых поручений при штабе корпуса в Варшаве (год). Потом штаб-офицер при управлении бригады в Саратове (три с половиной года). Потом командир 17-го пехотного Архангелогородского полка в Житомире (почти четыре года). Полковничьи погоны уже, кажется, приросли к плечам. Что ж, так и суждено умереть полковником?

Наконец в марте 1914 года решающий ход судьбы: назначение на должность генерала для поручений при командующем войсками Киевского военного округа, генерал-адъютанте, генерале от артиллерии Николае Иудовиче Иванове. Через три месяца, 21 июня (4 июля), – производство в генерал-майоры «за отличия по службе».

В это время уже полным ходом раскручивалась пружина общеевропейского кризиса.

Мятник войны и мира качался туда и сюда. В войну верить не хотелось, и ничего к ней не было готово.

Мобилизация обрушилась на штабы как снег на голову. Штаб Киевского округа был, как и все, захвачен врасплох потоком событий.

Из воспоминаний Деникина:

«...Колебания, отмены, проволоочки, „ордры и контрордры“ Петербурга, продиктованные иллюзорной надеждой до последнего момента избежать войны, вызывали в стране чувство недоумения, беспокойства и большую сумятицу. <...>

...Плана формирования штаба и управления новой 8-й армии не существовало вовсе. Высший состав армии был назначен телеграммой из Петербурга 31 июля, т. е. в первый день мобилизации. Прочий личный состав мне пришлось набирать экспромтом с большими трудностями, в хаосе первых дней мобилизации. А тыловые учреждения были составлены для 8-й армии только на 15-й день мобилизации...

...Мы не имели новых данных о правах и обязанностях, о штатах и окладах должностных чинов войск, штабов и учреждений. <...>

Вообще об этой первой неделе мобилизации у меня и у моих сотрудников осталось впечатление какого-то сплошного кошмара»⁸¹.

⁸¹ Там же. С. 240–242.

18 (31) июля (в то самое время, когда в Виннице Брусилов с Калединым и другими генералами корпуса решали головоломные вопросы развертывания) в Киев, в штаб округа, пришла телеграмма об образовании командования 8-й армии. Командующий – Брусилов; начальник штаба – Ломновский; генерал-квартирмейстер штаба – Деникин.

Должность генерал-квартирмейстера в дореволюционной армии примерно соответствует должности начальника оперативного отдела штаба в войсках советского времени. Разработка операций, планы перемещений, боевая подготовка и обучение личного состава, разведка и контрразведка – все это входило в его компетенцию. Работа кабинетная, тонкая, кропотливая, элитарная. Что и говорить, не по деникинскому характеру. Сам он впоследствии признавался: «Штабная работа меня не удовлетворяла. Составлению директив, диспозиций и нудной, хотя и важной штабной технике я предпочитал прямое участие в боевой работе, с ее глубокими переживаниями и захватывающими опасностями»⁸². Уже на исходе первого месяца войны, в разгар Галицийской битвы, Деникин стал проситься в строевые части. Тогда и состоялся известный нам разговор между ним и недавно назначенным генерал-квартирмейстером 3-й армии Бонч-Бруевичем. 24 августа приказом командующего 8-й армией Брусилова генерал-майор Деникин был назначен начальником 4-й стрелковой бригады.

Эта бригада, позднее развернутая в дивизию, имела долгую боевую историю, восходящую к Русско-турецкой войне 1877–1878 годов и с тех еще пор носила наименование «Железная». В ходе боев первого года мировой войны к ней приросло не такое красивое, но, если вдуматься, еще более почетное прозвание: «пожарная команда 8-й армии». Деникин наконец-то нашел свое место: во главе такого соединения он мог и должен был войти в историю.

Как раз в день его назначения на новую должность австро-венгерские войска перешли в наступление западнее Львова. Началось Городокское (или Гродекское) сражение, решившее исход первой битвы за Галицию. По левому флангу армии Брусилова был нанесен мощный удар, грозивший обходом Львова с юга. На острие этого удара оказались 4-я бригада Деникина и 48-я дивизия Корнилова. Под сильным натиском противника, неся большие потери, 48-я дивизия стала подаваться назад, обнажая фланг деникинской бригады. Обходной удар 12-й кавалерийской дивизии Каледина отчасти выправил положение. Левый фланг 8-й армии устоял. 28 августа в ходе сражения наступил перелом; австрийцы начали откатываться на запад.

Так в Городокском сражении соединились биографии четырех наших героев: Брусилова, Каледина, Деникина, Корнилова.

Георгиевское оружие с бриллиантами

Деникин действительно оказался прекрасным боевым командиром. Он, что называется, хорошо чувствовал пульс боя, умел поддержать и стойкость войск в обороне, и порыв в атаке.

В середине октября 1914 года на фронте 8-й армии шли затяжные позиционные бои. Ежедневные безрезультатные атаки и контратаки, перестрелки; постоянное напряжение, телесное и душевное; потери, смысл которых непонятен... Такая обстановка надоедает всем – и солдатам, и офицерам, порождает безотчетное желание рвануть по-настоящему. Уж лучше в наступление, чем так... Обходя расположение бригады, осматривая позиции противника, Деникин своим врожденным солдатским чутьем почувствовал нечто напряженно-вопросительное в лицах, в движениях, в уставных и неуставных разговорах бой-

⁸² Там же. С. 255.

цов. И понял: надо! Внезапно, без подготовки и санкции свыше, приказал полкам атаковать близко расположенный участок боевой линии австрийцев. Неожиданный порыв – и блестящий успех: прорыв тактической обороны и захват села Горный Лужек⁸³, в котором, как оказалось, располагался штаб командующего VII австрийским корпусом эрцгерцога Иосифа Августа. Все это произошло настолько внезапно, что сам эрцгерцог со своими штабными едва успел бежать, когда деникинские стрелки уже ворвались на окраину деревни. Командир Железной бригады мог похвастаться тем, что в Горном Лужке ему довелось отведать еще неостывшего кофе, сваренного для родственника австрийского императора.

Конечно, большого стратегического значения этот эпизод не имел, но Деникину принес известность и орден Святого Георгия четвертой степени.

Подобные боевые происшествия случались и позже.

В ноябре смелым налетом был захвачен городок и станция Мезиляборч⁸⁴. Его, правда, тут же пришлось оставить, но трофеи, пленные и слава достались Деникину и его бригаде.

В феврале 1915 года – еще одно успешное, хотя и нелегкое дело: бросок на помощь дивизии Каледина (как раз перед самым ранением будущего донского атамана), бои в заснеженных предгорьях Карпат, захват деревни Лутовиско⁸⁵ и высот близ нее.

Е. Э. Месснер о февральских боях:

«В Карпатах австро-венгры предприняли отчаянное наступление, чтобы прорваться к Перемышлю и деблокировать его. На горе Козювка 4-я стрелковая дивизия генерала Деникина, не ощущая страшного горного холода, в жарком бою отбила в сутки 24 атаки»⁸⁶.

Эта победа, давшаяся большой кровью, украсила шею генерала Деникина Георгиевским крестом третьей степени и оставила тяжкий след в его памяти: «Не забыть никогда этого жуткого поля сражения... Весь путь, пройденный моими стрелками, обозначался торчащими из снега неподвижными человеческими фигурами с зажатými в руках ружьями. Они – мертвые – застыли в тех позах, в каких их застала вражеская пуля во время перебежки. А между ними, утопая в снегу, смешиваясь с мертвыми, прикрываясь их телами, пробирались живые навстречу смерти»⁸⁷.

В мае весь русский фронт покатился назад, на восток, унося и «железных стрелков» Деникина. Гибельное отступление прекратилось только осенью. Но жестокие бои не утихали.

В сентябре 1915 года австрийцы предприняли попытку прорвать еще не устоявшийся русский фронт в направлении на Ровно. Дивизия Деникина (к этому времени развернутая из бригады) оказалась под сильным напором противника. Спасая положение, русское командование осуществило контрудар на Луцк, увенчавшийся неожиданным (хотя и временным) успехом. Честь осуществления этого первого за полгода на всем русском фронте удачного наступления не могли потом поделить генералы Брусилов, Зайончковский и Деникин.

Брусилов излагает события так:

«При подходе к Луцку Стельницкий (командир XXXIX корпуса, в который включена была Железная дивизия. – А. И.-Г.) доносил, что начальник 4-й стрелковой дивизии Деникин

⁸³ Совр. Верхний Лужок, Старосамборский район, Львовская область, Украина.

⁸⁴ Совр. Медзилаборце, Польша.

⁸⁵ Совр. Лютовиска, Польша.

⁸⁶ Месснер Е. Э. Луцкий прорыв: К 50-летию Великой победы. Нью-Йорк, 1968; <http://www.regiment.ru/Lib/A/14/1.htm>.

⁸⁷ Деникин А. И. Путь русского офицера. С. 274.

затрудняется штурмовать этот город, сильно укрепленный и защищаемый большим количеством войск. Я послал тогда телеграмму Зайончковскому (командиру XXX корпуса. – А. И. Г.) с приказанием атаковать Луцк с севера, чтобы помочь Деникину. Зайончковский тотчас же сделал соответствующие распоряжения, но вместе с тем в приказе по корпусу объявил, что 4-я стрелковая дивизия взять Луцк не может и что эта почетная задача возложена на его доблестные войска. Этот приказ, в свою очередь, уколол Деникина, и он, уже не отговариваясь никакими трудностями, бросился на Луцк, одним махом взял его, во время боя въехал на автомобиле в город и оттуда прислал мне телеграмму, что 4-я стрелковая дивизия взяла Луцк... Впоследствии оба эти генерала смотрели друг на друга очень враждебно и примириться так и не могли»⁸⁸.

Деникин описывает ситуацию динамичнее и короче:

«Я вызвал к телефону своих трех командиров полков и, очертив им обстановку, сказал: – Наше положение пиковое. Ничего нам не остается, как атаковать.

Все три командира согласились со мной.

Я тут же отдал приказ дивизии: атаковать Луцк с рассветом. <...>

Вслед за сим Зайончковский донес о взятии им Луцка. Но на его телеграмме Брусилов сделал шутивную пометку: „... и взял там в плен генерала Деникина“»⁸⁹.

Свою долю желчи и скепсиса в луцкую историю вносит генерал В. И. Соколов:

«За взятие Луцка, в котором главная тяжесть и честь боя принадлежала VIII корпусу, Деникин получил одну из редких боевых наград – бриллианты на Георгиевское оружие, ибо въехал в Луцк в автомобиле и там с драгунами кого-то побеждал, как значилось в газетах; как это возможно сделать при наличии перед Луцком заблаговременно укрепленных позиций с 9 рядами проволоки, если предварительно не взять эту позицию, газетным писакам, да, по-видимому, и высокому начальству не приходило в голову, но факт взятия Луцка Деникиным на автомобиле закрепили осыпанным бриллиантами Георгиевским оружием. Возбужденному по этому поводу протесту VIII корпуса, конечно, не только не был дан ход, но он даже не дошел до адресата, бывшего начальника штаба фронта Клембовского»⁹⁰.

Здесь Соколов смешивает два эпизода: взятие Луцка в сентябре 1915 года, породившее полулегендарную историю о въезде комдива в пылающий город на автомобиле, и штурм того же города в мае 1916 года. За первую удачу Деникин был произведен в генерал-лейтенанты, за вторую получил то самое георгиевское оружие с бриллиантами. Заметим, что такую награду за всю Первую мировую войну получили всего восемь человек, причем за наступление Юго-Западного фронта в 1916 году – двое: Брусилов и Деникин.

Во втором взятии Луцка в ходе Брусиловского прорыва дивизия Деникина участвовала, наступая на самом что ни на есть Центральном направлении – штурмуя в лоб оборонительные рубежи противника, пробивая кровавый путь на запад. 22 мая пошли в атаку; к утру 23 мая прорвали первую полосу у деревни Жарнице. За первой полосой обороны была вторая, пробитая на следующий день; за второй третья – опирающаяся на извилистую речку Стирь.

Участник прорыва Е. Э. Месснер:

«Третья вражеская фортификационная полоса в оперативном коридоре, которым шла Ровненская группа, лежала на восточном берегу реки Стирь, прикрывая Луцк и переправу

⁸⁸ Брусилов А. А. Воспоминания. С. 185–186.

⁸⁹ Деникин А. И. Путь русского офицера. С. 285–286.

⁹⁰ Соколов В. И. Заметки...

в нем, а также мостовые переправы выше и ниже по течению реки. Укрепления были очень солидны, в особенности по сторонам от Ровно-Луцкого шоссе, где предстояло атаковать 4-й стрелковой и 15-й пехотной дивизиям... Нам надо было атаковать поспешно, пока противник подкреплён лишь местными резервами, пока не подошли свежие силы из тыла. Начальники двух дивизий – генералы Деникин и Ломновский, не сговариваясь, решают атаковать, что называется, с ходу: развернули свои походные колонны в боевой порядок и дали приказ: пехоте атаковать, а артиллерии поддержать атаку. Бой начался часов в 9 утра 25 мая. <...>

Под вечер 25 мая 4-й стрелковой дивизии удалось ворваться и прорваться через укрепленную полосу врага. Прорвалась затем и 15-я пехотная дивизия. Обе устремились вперед: 15-я – на Луцк, как ей было заранее указано, а 4-я – к реке Стирь; но и ее, словно магнит, притягивал Луцк, и поэтому ее левый фланг захватил одно из предместий города, когда полки генерала Ломновского брали город и мостовую переправу в центре его. Ночью обе победоносные дивизии переправились через Стирь. Враг бежал. 25 мая число пленных возросло до 1240 офицеров и 71 000 солдат, а количество трофеев увеличилось до 94 орудий, 232 пулеметов и бомбометов»⁹¹.

Луцк был взят, но дальнейшее наступление замедлилось. Продвигаясь вперед, на Ковель, дивизия лоб в лоб столкнулась с переброшенными с севера немецкими частями. С середины июня развернулись кровавые и малорезультативные встречные бои на Ковельском направлении. Сюда подходили все новые резервы, здесь они таяли, перемалывались, истекали кровью. Таяла и дивизия Деникина. Бои шли за крохотные деревушки, малоприметные высоты, ложбинки, рощицы. Стратегические задачи наступления растворялись, тонули в море мелких и невыполнимых тактических задач. По мере того как утрачивался смысл сражения, командиры переставали понимать суть происходящего, теряли видение боя.

Из воспоминаний барона Карла Маннергейма, в 1916 году генерал-майора, начальника 12-й кавалерийской дивизии (той самой, которой в начале войны командовал Каледин):

«Дивизия была уже на полпути к Ковелю. Неподалеку от моей колонны возвышались несколько холмов. Судя по всему, генерал Деникин, дивизию которого мы оставили позади, не видел в них никакого практического смысла. Поскольку генерал не позаботился о захвате высот, я решил сделать это по собственной инициативе. Но стоило моим частям пойти в атаку, как сражение за эти высоты началось буквально со всех сторон. По сведениям, полученным от пленных, мы узнали, что силы, атакованные нами, были передовыми частями немецких войск, переброшенных из Ковеля. Как видно, начали прибывать резервы из Германии. Я позвонил Деникину и предложил ему в течение дня сменить мои части на этих высотах, если он не хочет, чтобы холмы оказались в руках неприятеля. Генерал отказался – он уже начал передислокацию, но в дальнейшем, если высоты ему понадобятся, он всегда сможет захватить их. На что я ответил, что через какое-то время будет очень сложно отбросить немцев назад.

– Где вы видите немцев? – закричал Деникин. – Здесь нет никаких немцев!

Я сухо заметил, что мне легче их видеть, так как я стою прямо перед ними... Когда мою дивизию с приходом ночи отвели в резерв армейского корпуса, холмы снова оказались в руках немцев. Значение этого факта генерал Деникин осознал уже на следующий день»⁹².

⁹¹ Месснер Е. Э. Луцкий прорыв; <http://www.regiment.ru/Lib/A/14/2.htm>.

⁹² Маннергейм К. Г. Э. Мемуары. М., 1999. С. 62.

Это значит: снова приказ атаковать высоты, снова, после кратенькой артподготовки, а то и вовсе без нее, бегут солдаты вперед, кричат «ура», падают, уцелевшие отбегают и отползают назад, таща за собой раненых... И снова «ура», в атаку...

О результатах этих безрезультатных боев мы уже рассказывали.

В конце августа 1916 года генерал-лейтенант Деникин был назначен командиром VIII корпуса. Когда луцко-ковельско-vlадимир-волинская бойня стала выдыхаться, корпус был переброшен на новообразованный Румынский фронт. Там и находился к исходу зимы 1917 года.

Не стерпело русское сердце

В своем первом стихийном порыве – «Долой царя!» – революция соединила огромные массы, десятки миллионов россиян. Но как только ближайшая общая цель была достигнута, революция приступила к делу разделения. И первая линия разлома прошла между теми, кто всей душой, всей силой деятельно включился в творение событий, и теми, кто поплыл по течению, попадая в водовороты и ударяясь о берега, восторгаясь или возмущаясь происходящим и в глубине души надеясь поскорее успокоиться в тихой заводи.

Активных участников русской смуты было ничтожно мало: единицы на тысячи. Пассивные составляли огромное, подавляющее большинство. Но, увлеченные инерцией движения, они создавали ту гигантскую массу, которая сметала все на своем пути и либо подхватывала отдельного человека своим потоком, либо убивала.

И сам поток в первые же недели стал разделяться на русла: сначала почти параллельные, потом все более расходящиеся... Потом отдельные потоки, закружившись, столкнулись между собой. Активные творцы событий прокладывали первоначальные направления потоков, но очень скоро сами оказывались во власти той инерции, которой положили начало, и тех масс, которые привлекли на свою сторону.

Из всех направлений, по которым устремились люди и события в самом начале революции, важнейшими были два: анархия и порядок, разгул и должность, безудерж и принцип, воля и строй. Впоследствии во главе так называемой контрреволюции (на самом деле – одного из мощнейших потоков революционного происхождения) оказались преимущественно военные, офицеры и генералы. И это не случайно. Те, для кого невыносимы хаос и анархия, стражи порядка, честные прапорщики, добросовестные фельдфебели, заслуженные генералы.

Конечно, Белое движение (название тоже условно) в последующие год-два вобрало в себя множество самых разнородных личностей, среди которых были недавние разрушители устоев, революционеры, обличители, бомбисты. Но все же силу, костяк этого лагеря составили не они. И первыми были не они, а оскорбленные и униженные, но смелые и готовые к борьбе люди порядка. Такие, как Деникин, Крымов, Алексеев, Май-Маевский, Дроздовский, Врангель и те неизвестные пофамильно солдаты, офицеры, унтера, которые предпочитали смерть в бою жизни в перевернутом вверх тормашками мире.

Интересно, что именно революция на первых порах выдвинула Деникина в первые ряды российского генералитета. В конце марта 1917 года он, как один из самых популярных в армии генералов, к тому же по мировоззрению своему вполне либерал, по происхождению вполне демократ, был переведен в штаб Верховного главнокомандующего и вскоре назначен наштаверхом при главковерхе Алексееве. Но революция слишком быстро разрушала армию и все основы жизненного порядка, и Временное правительство не имело ни сил, ни желания бороться с этим. Деникин не мог ужиться с таким правительством. Уже в мае начались конфликты Деникина с комиссарами, с новым военным и морским министром Керенским, с Советами.

Когда Алексеев был смещен и в Ставке ненадолго воцарился гибкий Брусилов, строптивого Деникина отправили главкомом на Западный фронт.

Вот зарисовка: одно из бесчисленных заседаний лета 1917 года. Действующие лица: Верховный главнокомандующий Брусилов, главнокомандующий армиями Западного фронта Деникин и представители Исполнительного комитета Солдатского совета Западного фронта. Рассказчик – член Исполкома Запфронта большевик И. Е. Любимов.

«Маленький, тщедушный Брусилов – „типичный рубака“. Говорил он непривычные слова о революции, о свободе, и вылетали они неуклюже, отрывочно, как дурное и непривычное командование эскадрону.

– Как смотрит комитет на положение, о чем считает нужным заявить? – спрашивает он.

– Вот командование не дает нам автомобилей, не оказывает содействия в работе, – как-то некстати заявил председательствовавший товарищ председателя исполкома эсер Полянский...

Вдруг поднимается здоровенная солдафонская фигура генерала и, стуча кулаком по столу, заявляет:

– Какое вам содействие! Вы скажите сначала, как вы смотрите на наступление и отменили ли вы пораженческие резолюции?»

Конечно же, это взорвался Деникин. Исполкомовские эсеры обиделись, один из них вскипел:

«– Мы здесь собрались с представителями военного командования, по меньшей мере, как равные с равными. Поведение генерала Деникина грубо и недопустимо, и я предлагаю ему вести себя на нашем собрании более корректно, иначе мы вынуждены будем покинуть заседание.

Брусилов извиняется за Деникина, говорит, что не стерпело его русское сердце. Деникин сидит с налитым кровью лицом и злобно блестящими глазами...»⁹³

Другое заседание, 16 июля того же года, Ставка Верховного главнокомандующего, – кстати говоря, последнее заседание, в котором Брусилов участвовал в качестве главковерха, а Деникин в качестве главкозапа. Прочие лица: военный министр Керенский, наштаверх Клембовский. Рассказывает Брусилов:

«Заседание затянулось до 12 часов ночи. Я... объяснил, каково было в то время действительное состояние армии. Я заявил, что стараюсь выполнять программу, выработанную моим предшественником Алексеевым, хотя считаю, что ее выполнить мудрено. Клембовский заявил что-то вроде моего. Когда же дело дошло до Деникина, то он разразился речью, в которой яро заявлял, что армия более не боеспособна, сражаться более не может, и приписывал всю вину Керенскому и Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов. Керенский начал резко оправдываться, и вышло не совещание, а прямо руготня. Деникин трагично махал руками, а Керенский истерично взвизгивал и хватался за голову. Этим наше совещание и кончилось»⁹⁴.

⁹³ Цит. по: Семанов С. Н. Брусилов; <http://www.litmir.net/br/?b=162228&p=66>, 67.

⁹⁴ Брусилов А. А. Воспоминания. С. 279–280.

И там и там мы видим одно и то же: Деникин «стучит кулаком», «разражается речью», «трагически машет руками», «сидит с налитым кровью лицом». Не может он жить в таком кавардаке. Но и сдаваться он не приучен. Он будет бороться.

Вопрос о борьбе перед Деникиным не стоял – он был решен в нем изначально. 27 августа он, к тому моменту главнокомандующий Юго-Западным фронтом, не задумываясь, присоединился к выступлению Корнилова. Через два дня был арестован комиссаром Временного правительства Иорданским. Вместе с десятью соратниками заключен в Бердичевскую тюрьму.

Это означало: Рубикон перейден и возврата нет. Не казнит власть, так солдаты убьют корниловцев, когда только доберутся до них. При переводе группы арестованных генералов из Бердичева в Быхов едва удалось избежать солдатского самосуда. Это было 27 сентября, за месяц до Октябрьского переворота. После Октября выйти из тюрьмы и выжить стало равнозначно чуду.

Чудо совершилось: 19 ноября пришел приказ главковерха Духонина об освобождении быховских сидельцев. Они еще не знали, выходя из ворот тюрьмы, что этот приказ был для Духонина последним: уже приближается к Могилеву, к Ставке, отряд красных матросов из Петрограда, уже беспокойно поблескивают штыки, на которые завтра бросят Духонина...

И тут, в сей трагический момент, в простую ткань жизни Деникина вплетается неожиданно нежный, лирический узор.

Луч света

«Я иногда думаю: а что если те славные, ласковые, нежные строчки, которые я читаю, относятся к созданному Вашим воображением идеализированному лицу, а не ко мне, которого Вы не видели шесть лет и на внутренний и внешний облик которого время наложило свою печать. Разочарование? Для Вас оно будет неприятным эпизодом, для меня – крушением... Письмо придет к Пасхе. Христос Воскресе! Я хотел бы, чтобы Ваш ответ был не только символом христианского праздника, но и доброй вестью для меня...»⁹⁵

Это не отрывок из сентиментального романа, это строки из письма сорокатрехлетнего боевого генерала, прошедшего Городок, Карпаты, первый Луцк...

История женитьбы Антона Ивановича Деникина, как и положено подобным историям, окружена ореолом легенд. Если очистить ее от стилистики дамского романа, то получится примерно следующее.

Совсем молодой офицер Антон Деникин приезжает в провинциальную Белу. Гарнизонный быт скучен; общение офицеров однообразно; местной русской интеллигенции почти нет, поговорить не с кем. Развлечений в такой жизни немного: чьи-нибудь именины или крестины, приезд новых лиц, смена начальства. Ну, еще охота, на которую, как на праздник, собирается чуть ли не все городское русское «общество».

Как-то раз на охоте случается происшествие: разъяренный кабан несется прямо на податного инспектора Василия Чижа, тот едва успевает залезть на дерево... И тут поручик Деникин стреляет – кабан падает замертво. Эпизод, конечно же, забавный, хотя мог обернуться и трагедией. В благодарность за спасение инспектор приглашает поручика к себе домой – и офицер вскоре становится в семье Чижей своим человеком. Тут ему есть с кем побеседовать и за кем слегка поухаживать (этого требуют законы гарнизонной жизни). Хозяин дома умен и образован, хозяйка молода и обворожительна.

⁹⁵ Цит. по: *Кожемякин М., Раскина Е.* Венчанные под канонаду. Семья и карьера генерала Деникина: http://samlib.ru/m/mihail_kozhemjakin/denikin.shtml.

Ухаживания поручика, очевидно, не переходят за определенную черту. Доброе знакомство продолжается. И когда в семействе рождается дочка Ксения, поручика, разумеется, приглашают на крестины (к счастью, не крестным отцом, а то не состоялось бы в будущем соединение двух сердец). Идет время; штабс-капитан Деникин уезжает в Петербург, в Академию; через три года возвращается. Дочь податного инспектора подросла, ей уже семь лет. Офицер играет с ней, дарит ей приятные подарочки. Потом его переводят по службе, и он уезжает из Белы насовсем.

Проходят годы, и они вновь встречаются в Петербурге после Русско-японской войны. Ксения Чиж – воспитанница Института благородных девиц. Антон Деникин – полковник с орденами. Дядя Антон. Их знакомство продолжается эпизодически: Деникин служит в провинции и лишь изредка бывает в Петербурге. Но тем приятнее редкие встречи. Ксения – девушка артистичная, умная, ей интересно побеседовать, а порой поспорить с дядей Антоном о литературе, о жизни, об истории. Именно об истории: выйдя из института, Ксения поступает на Высшие женские курсы, с увлечением слушает лекции филологов и историков: Бодуэна де Куртенэ, Кареева, Приселкова, Сергея Федоровича Платонова...

Начинается Великая война. Деникин сражается на фронте, Ксения живет в Петрограде, куда отголоски войны доходят в виде газетных статей, списков убитых или представленных к наградам. В сентябре 1915 года Ксения узнает из газет: генерал Деникин во главе дивизии железных стрелков ворвался в город Луцк, захватил четыре тысячи пленных, обратил в бегство полчища австрийцев. Газетчики, конечно, разукрасили как могли эти события. Ксения пишет письмо генералу на фронт. Он отвечает взволнованно и радостно. Завязывается переписка. Через полгода приходит очередное письмо с Юго-Западного фронта. В нем – неожиданно – предложение руки и сердца.

Ксения в смущении. Все-таки дядя Антон, генерал, старше ее на двадцать лет... Но в сердце уже родилось решение. Она отвечает: согласна, но подождем до конца войны.

Трудно сказать, насколько двадцатитрехлетняя девушка верила в сделанный выбор. Год назад у нее был жених – погиб на фронте. Выбор, сделанный даже под влиянием случайности, постепенно подчиняет себе человека. К осени 1917 года Ксения Чиж уже привыкла считать себя невестой, почти женой генерала Деникина. А его имя звучало все громче, он стал знаменит.

Потом – корниловское выступление и его провал, имя Деникина среди арестованных... Она ездила в Быхов, навещала суженого в тюрьме. Потом октябрь, большевики, хаос... Страх за себя и за любимого человека. Да, уже так: любимого человека.

...Выйдя из ворот Быховской тюрьмы, генералы отправились кто куда. Несколько человек сговорились пробираться на Дон, к Каледину. Там нет Совдепов, там сохранился порядок, там можно что-то делать, собирать людей, бороться с наступившим ужасом.

Деникин через знакомых раздобыл документы на чужое имя, сбрил всем известную свою бородку, по-штатски подкоротил усы, переоделся в гражданское и отправился рискованным путем в Новочеркасск – по забитой составами железной дороге, в вагонах, переполненных дикой и пестрой публикой: мешочниками, солдатами, крестьянами, офицерами, уголовниками, буржуями, светскими дамами... Во всей этой смертельно опасной суматохе он не забыл списаться, связаться через знакомых со своей Ксенией. И она отправилась тоже, теми же безумными путями по охваченной смутой стране, в Новочеркасск. Там они встретились.

Новочеркасск был наводнен беглецами от совдепов, кипел, шумел. Формировались какие-то армии, войска, отряды.

Свидетельствует участник Белого движения писатель Роман Гуль:

«На тротуаре трудно разойтись: мелькают красные лампасы, генеральские погоны, разноцветные кавалеристы, белые платки сестер милосердия, громадные папахи текинцев.

По улицам расклеены воззвания, зовущие в „Добровольческую армию“, в „партизанский отряд есаула Чернецова“, „войскового старшины Семилетова“, в „отряд Белого дьявола – сотника Грекова“.

Казачья столица напоминает военный лагерь.

Преобладает молодежь – военные.

Все эти люди – пришлые с севера. Среди потока интеллигентных лиц, хороших костюмов иногда попадаются солдаты в шинелях нараспашку, без пояса, с озлобленными лицами...»⁹⁶

Деникин вместе с Алексеевым, Корниловым и иными занимался созданием Добровольческой армии. С севера наступали полуанархические отряды красных. Уже шли бои, уже Гражданская война стала фактом.

На Рождество, 25 декабря 1917 года, Антон Деникин и Ксения Чиж обвенчались в Новочеркасске. Сохранилась предсвадебная фотография. Жених, немолодой, в штатском пиджаке и галстуке, без бороды, бритоголовый, был бы похож на коммерсанта средней руки или на преуспевающего доктора, если бы не военная выправка. Невеста годится ему в дочери; волнистая прическа, пухлые губы, но во взгляде – решительность, такая же, как и в его взгляде.

В феврале Добровольческая армия с боями отступила с Дона на Кубань. Начались походы, тяготы, опасности. После гибели в апреле генерала Корнилова Деникин принял командование Добрармией, спас ее, повел в наступление. Летом 1918 года он уже признанный лидер движения, за которым закрепилось название Белого. После смерти Алексеева в сентябре того же года – главнокомандующий Добровольческой армией. С декабря – главнокомандующий Вооруженными силами Юга России. В феврале 1919 года у Деникиных родилась дочь, которую называли Мариной.

На Москву!

Деникин оказался во главе белогвардейских сил, потому что он олицетворял собой самую суть Белого движения, причем позитивную суть. Он не был гением, харизматическим вождем, Бонапартом. В нем жило честолюбие и даже военное тщеславие, но идеал служения был сильнее. Служения кому? Когда-то, в юные годы, – царю. Царя нет. Значит – России.

Но той России, которой продолжал служить Деникин, тоже не было.

Соратники хотели видеть в нем нового князя Пожарского. Пожарский не был гением и вождем. Он просто делал свое дело, он просто был бескорыстен и честен. Деникин – главнокомандующий Вооруженными силами Юга России – тоже был бескорыстен и честен, тоже как мог делал свое дело. Но Пожарского повел за собой и потом стоял рядом с ним Кузьма Минин – олицетворение единства земли Русской. Рядом с Деникиным не было и не могло быть такого человека, потому что единство России перестало существовать.

В самом Белом движении не было никакого подобия единства; в войсках Деникина не было единоначалия. Разноголосица политических взглядов, столкновение амбиций, своекорыстие маленьких местных элит, порывы удалой грабительской вольницы, самостийная неуправляемость командиров, нерассуждающая жестокость одних и фаталистическое безразличие других... И над всем этим – малочисленная горстка людей, проникнутых благо-

⁹⁶ Цит. по: Венков А. В. Донская армия. Сайт «Казакция. Инфо»: <http://forum.kazakia.info/viewtopic.php?f=44&t=570&p=1400#p1394>.

родными намерениями, ни над чем не властвующих, несущихся на волнах событий в неизвестном им самим направлении. Вот что представляло собой Белое движение и белая армия. Такая армия могла совершать подвиги и одерживать временные победы, но не могла существовать долго. Она была обречена на распад.

Роман Гуль:

«Как добровольно я вступил в Добрармию, так же добровольно и ушел. Я не мог остаться – и политически и душевно. Политически потому, что всем существом чувствовал: такая „офицерская“ армия победить не может. Несмотря на доблесть и героизм ее бойцов, поражение ее неминуемо. И вовсе не потому, что „псевдонимы“⁹⁷ сильнее (они слабее), а потому, что народ не с ней. К белым народ не хотел идти: господа. Здесь сказался один из самых больших грехов старой России: ее сословность. И связанный с ней страшный разрыв между интеллигенцией и народом... Если бы вместо генерала Антона Деникина во главе армии стал бы тамбовский сельский учитель Антонов с мужицким лозунгом „земля и воля“, тогда бы дело было иное. Но в 1918 году до взрыва крестьянских восстаний (тамбовского, Кронштадта и др.) было далеко. Крестьяне еще пребывали в бакунинском дурмане революции. И царскому генералу Антону Деникину... мужик не верил»⁹⁸.

«Той» России нет. Но ведь какая-то есть, ведь не исчезла же она, одна шестая часть суши! Вот она, вот, перед нами, и мы видим ее, но узнать не можем. И мы не можем принять ее, и она нас.

Впрочем, это отвлеченные рассуждения. А война – конкретна. Она требует людей. В начале 1918 года Белое движение было слабо: люди хотели мира, какого угодно, любой ценой. Но к лету ситуация изменилась. Мирный договор в Брест-Литовске был подписан, армия демобилизована.

И тут оказалось...

Первое: цена мира непомерна. Расчленение российской территории, грабительская контрибуция похуже ордынской дани, унижительное чувство всенародного провала.

Второе: среди миллионов демобилизованных не всем мирная жизнь пришлось по душе. А удаль? А риск? А подвиг? Скучно сидеть на печи. Не лучше ли пойти погулять по волюшке, да с оружием, принесенным с войны...

Третье: да мира-то нет, его нет дома, в тылу. Два простых слова, под воздействием которых развалилась в 1917 году русская армия – «мир» и «земля», – столкнулись друг с другом, и произошел взрыв. Коль настал мир, надо делить землю. А как? И началась война за землю – ту самую, которая и есть Россия.

Конфликт из-за земли между малоимущими «иногородними», которых поддерживало правительство Ленина, и коренными казаками, организованными и сплоченными, привел ко всеобщему казачьему восстанию против Советов. Ситуация на всем Юге России изменилась. Летом 1918 года добровольцы Деникина при поддержке кубанских казаков Шкуро отвоевали Кубань. В ноябре рухнула добытая западными союзниками и революцией Германия. Появилась надежда: теперь-то большевикам, германским шпионам, не устоять! При поддержке бывших союзников, Антанты, – объединить усилия в борьбе! Глава Дона атаман Краснов, нуждаясь в помощи профессиональных военных, заключил союз с Деникиным. Дон снова поднял трехцветное знамя.

⁹⁷ Роман Гуль имеет в виду большевистских лидеров, известных под революционными псевдонимами (Ленин – Ульянов, Троцкий – Бронштейн, Антонов – Овсенко и т. д.).

⁹⁸ Гуль Р. Я унес Россию. Т. 1. Ч. 1: http://www.dk1868.ru/history/gul1_1.htm.

В январе – феврале Вооруженные силы Юга России разгромили красных на Северном Кавказе. В апреле – мае перешли в наступление в Нижнем Поволжье и в Донбассе. В июне взяли Харьков, Екатеринослав⁹⁹, Царицын¹⁰⁰.

3 июля главнокомандующий Деникин подписал директиву:

«Имея конечной целью захват сердца России – Москву, приказываю:

1. Генералу Врангелю выйти на фронт Саратов – Ртищево – Балашов... и продолжать наступление на Пензу, Рузаевку, Арзамас и далее – Нижний Новгород, Владимир, Москву...

2. Генералу Сидорину... продолжать выполнение прежней задачи по выходу на фронт Камышин – Балашов. Остальным частям развивать удар на Москву в направлениях: а) Воронеж, Козлов, Рязань и б) Новый Оскол, Елец, Кашира.

3. Генералу Май-Маевскому наступать на Москву в направлении Курск, Орел, Тула. Для обеспечения с запада выдвинуться на линию Днепра и Десны, заняв Киев и прочие переправы на участке Екатеринослав – Брянск...»¹⁰¹

Смысл этого документа укладывается в два слова: «На Москву!»

⁹⁹ Совр. Днепропетровск.

¹⁰⁰ Совр. Волгоград.

¹⁰¹ Деникин А. И. Поход на Москву. Киев, 1990. С. 15.

Каменев

Летом и осенью 1919 года судьба России, да, может быть, и всего мира, решалась на пространствах между Доном, Днепром и Окой, где в вихре встречных боев, стремительных обходов и тыловых рейдов сошлись Красная армия и Вооруженные силы Юга России. Во главе этих войск стояли два выученика одной школы, два выпускника Императорской Николаевской академии Генерального штаба. Они не были вождями своих армий, скорее профессионалами-штурманами, волей обстоятельств оказавшимися у руля почти неуправляемых, несущихся навстречу друг другу кораблей. И вот что удивительно: в то время как главным командующим армиями «их превосходительств» был внук крепостного крестьянина Антон Иванович Деникин, главкомом армии рабочих и крестьян был назначен потомственный дворянин, военный интеллигент, кабинетный работник, бывший Генерального штаба полковник Сергей Сергеевич Каменев. Вот уж действительно: свой среди чужих, чужой среди своих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.